

A movie poster featuring a man and a woman. The man, in the foreground, has a beard and is wearing a white shirt. The woman, in the background, has blonde hair and is wearing a black top. The background shows an interior setting with a window.

Арина
Арская

ПОСЛЕ РАЗВОДА

мы не сберегли нашу любовь

Арина Арская

После развода. Мы не сберегли нашу любовь

<https://litres.ru/74294299>

Аннотация

— Мы разводимся, — выдыхает мой муж, и я слышу в его голосе облегчение от своего признания. — Потому что я так больше не могу. Будто он вскрыл нарыв. Тошнота усиливается — Мы не можем, — в гостиную бесшумно заходит моя младшая сестра Альбина. — Что это значит? — тихо спрашиваю я. — Мы устали лгать, — угрюмо отвечает Демид, не отводя от меня своего безжалостного взгляда. — Семье. Детям. И самим себе. — Мы с Демидом любим друг друга, — моя сестра слабо улыбается. — Теперь ты это знаешь. Муж честно рассказал, что любит мою сестру и что хочет развод, а потом мы узнаем, что я беременна. Перед родами моя сестра Альбина предлагает отдать им на воспитание моего еще нерожденного младшего сына, ведь тогда всем будет проще.

Содержание

1	5
2	11
3	16
4	21
5	26
6	31
7	36
8	41
9	47
10	52
11	56
12	60
13	64
14	68
15	72
16	76
17	80
18	85
19	89
20	94
21	99
22	104
23	110

24	115
25	121
26	126
Конец ознакомительного фрагмента.	127

— Я больше не могу быть твоим мужем, — Демид тяжело вздыхает за моей спиной.

В моих руках громко лопается воздушный шарик: выстрел в тишине, но я даже не вздрагиваю.

Я вообще перестаю дышать. Ледяные тиски сковали тело, а воздух застыл в легких колючими камнями.

Хрипло спрашиваю:

— Что?

С нечеловеческим усилием, позвонок за позвонком, я разворачиваюсь. Мой муж. Мой любимый Демид. Он стоит в нескольких шагах, но кажется, что между нами пролегла бездна.

Чужой, зловещий силуэт на фоне празднично украшенной гостиной. Удушливая, тошнотворная какофония запахов — приторные цветы, лак, резина и сливочная сладость торта, от которого остался лишь жалкий, сиротливый кусок. Меня пробивает приступ дурноты.

— Нас ждет развод, Минерва.

Он произносит мое полное имя, словно выносит приговор. Холодно, отстраненно, окончательно. Так судья обращается к осужденному перед казнью.

В его карих глазах, которые я так любила, теперь лишь сталь и безжалостная решимость.

Четкая линия челюсти напряжена, а густые брови с насмешливым изгибом нахмурены до глубокой складки на переносице. Руки спрятаны в карман и, наверное, сжаты в кулак.

— Я больше так не могу, — выдыхает он, и я слышу в его голосе облегчение от своего признания.

Будто он вскрыл нарыв.

Тошнота усиливается

— Мы не можем, — в гостиную бесшумно заходит моя младшая сестра Альбина и останавливается у цветочной стойки и нервно касается длинного листа алоэ.

на меня не смотрит, губы кусает.

Мне сорок, ей тридцать восемь. Мы всегда были близки и дружны, но, видимо, я ошибалась насчет нашей сестринской любви и привязанности.

— Что это значит? — тихо спрашиваю я.

— Мы устали лгать, — угрюмо отвечает Демид, не отводя от меня своего безжалостного взгляда. — Семье. И самим себе.

Взгляд медленно, с трудом скользит от Демида к Альбине. Моя сестра и мой муж?

Альбина от перенапряжения ломает лист алоэ.

— Вы что...

— Если тебя интересует вопрос физической близости, Минерва, — Демид хмурится сильнее, — ее не было. Ты же знаешь, я не тот мужчина, который падок на потрахушки...

— Мы не спали, Мина... — сипить Альбина, — я уважаю Ваню... Я бы не стала...

Ваня — муж Альбины. Ему сорок, он наш с Демидом ровесник, и сейчас он повез подруг Альбины по домам. Мой юбилей немного затянулся, и две ее подруги Катя и Ира перепили.

— Мина... — Альбина наконец поднимает на меня взгляд, — не было грязи... Мы бы с вами так не поступили, но... мы устали делать вид, что все хорошо...

Я выдыхаю и вновь делаю вдох, но не чувствую в легких кислорода.

Сжимая скользкий лоскут лопнувшего шарика я прохожу к пустому креслу и медленно в него опускаюсь, не отводя взгляда от Демида.

Вот только час назад в этой гостиной звучали тосты, смех, шутки и громкие пожелания для меня быть счастливой, любимой... а сейчас я... будто перед порогом смерти.

— Мина, — Альбина садится на подлокотник кресла и заглядывает в мой профиль, — жизнь проходит мимо. Жить с нелюбимыми... Это невыносимо.

Я медленно поворачиваю к ней лицо и спрашиваю:

— Как ты смеешь говорить мне такие слова?

— Какие слова? — Демид встает на защиту моей сестры. — Или ты бы предпочла, чтобы я с тобой жил через силу? Мы решили быть честными, а иначе, — он раздраженно разводит руки в сторону, — все скатилось бы в банальность, ко-

гда вскрываются измены, внебрачные дети!

А как правильно поднять разговор о том, что любовь прошла и что хочется жить иначе?

— Но не в мой день рождения... — пытаюсь возразить я, но слова застревают в глотке.

— Любой другой день ничего бы не изменил, — возражает с усталостью Демид. — и ты сам это знаешь. Сегодня просто случилась точка кипения, когда я понял, что не хочу быть твоим мужем.

Сглатываю:

— И что тебя... так взбесило?

Я сжимаю в руке липкие лоскуты лопнувшего шарика. Резина прилипает к влажной коже.

Я впиваюсь взглядом в Демиду. В того мужчину, которого я каждый день называла любимым.

Мой муж. Теперь — просто Демид. Чужой.

— Я хочу знать, Демид

Демид отводит глаза. Впервые за этот кошмарный разговор. Он смотрит на разбитый торт, на жалкий кусок с наполовину сдувшейся розой из крема. Его челюсть все так же напряжена, но в стальных глазах мелькает что-то... Стыд? Нет. Скорее раздражение. Раздражение на меня, на эту ситуацию, на необходимость говорить.

— Зачем тебе это, Минерва? — он вновь смотрит на меня.

— тебе достаточно того, что мы разводимся...

— Недостаточно! — вскрикиваю я и отшвыриваю лопнувший шарик. — Говори!

Альбина съезживается на подлокотнике кресла. Ее пальцы нервно теребят обломок листа алоэ, сочащийся прозрачной, липкой жидкостью.

— Мина... — она шепчет, и ее голос дрожит. — Мы не хотели так... не сегодня... но Демид прав. Когда еще? Завтра? Через месяц? Боль не выбирает удобный момент.

Демид резко поворачивается ко мне. В его глазах вспыхивает тихая ярость, та, что копилась годами.

— Когда ты меня поцеловала, — он бросает слова, — после пожеланий пьяных баб, чтобы мы были счастливы и чтобы родили третьего ребенка! Как будто мы самая счастливая пара на свете! Как будто за этими стенами не тлеет труп нашего брака уже годы!

Он делает шаг вперед, его тень накрывает меня.

— Демид, не надо так... — Альбина встает, протягивает к нему руку.

— Все в порядке, Аля, — говорит он и продолжает смотреть на меня, — я понял, что не хочу тебя, не хочу третьего ребенка и не хочу называть тебя женой, Минерва. Может быть, стоило разговор завести до или после твоего дня рождения, но уже как есть. И ты должна это принять.

Альбина вздыхает:

— А меня этот разговор ждет впереди.

Я смотрю, как мама прижимает к губам дрожащие пальцы с идеальным, аккуратным розовым маникюром. Ее мир, такой же выверенный и правильный, как цвет лака на ногтях, трещит по швам. Ее взгляд, полный ужаса и растерянности, мечется от меня к Альбине.

И обратно. Секундная пауза, и вот она уже смотрит на отца, ища поддержки в его каменном лице, но не находит. Тогда ее глаза вновь возвращаются к Демиду, застывшему мрачной статуей у массивного домашнего бара из темного дуба, встроенного в нишу между книжными стеллажами, доверху забитыми книгами и нашими семейными альбомами с фотографиями.

Он выглядит чужим в нашей гостиной.

Да, он в нашем доме теперь чужой.

— Это как так? — обескураженно шепчет мама, и ее фирменный французский парфюм, который я всегда так любила, кажется мне теперь удушливым запахом моего семейного позора.

Она вновь смотрит на меня, будто я, ее старшая, разумная Миночка, сейчас все объясню, скажу, что это дурная шутка. — Как же так?

А после ее шепот перерастает в сдавленный стон.

— Ох, да как же так, вы что удумали, какой развод? —

она смотрит на Демида, который с непроницаемым лицом делает глоток янтарной жидкости из бокала.

Цедит дорогое пойло, которое ему подарил мой папа.

Я вижу, как его катык двигает под кожей и как напряжены мышцы шеи под воротником рубашки.

— Мы хотим с Альбиной быть вместе, — он пожимает плечами, и этот жест, такой обыденный, такой спокойный, бьет меня под дых. — Все просто. Я решил изменить мою жизнь.

— Я не понимаю, — гремит голос отца, и я вздрагиваю. Он делает шаг вперед, его кулаки сжаты. — Вы из-за чего разрушаете две крепкие семьи?

Две крепкие семьи. Мне хочется рассмеяться ему в лицо. Крепкие, как карточный домик, папа. Один порыв ветра, одна «честность» — и все рассыпалось в прах.

— Папа, — подает голос Альбина, и ее голос сиплый, надломленный. — Мы любим друг друга. Мы хотим быть вместе. Ты это понимаешь? Так жить, как мы жили раньше, невозможно, просто невозможно. И вам придется принять наш выбор.

Она сидит в кресле справа от родителей. Не смотрит ни на меня, ни на маму с папой. Лишь изредка кидает взгляды на Демида.

Любят они. А что же я? Что же Ваня? Мы не любили? Или наша любовь просто не в счет?

Ваня после ночного разговора с Альбиной просто сел в

машину и уехал. Молча. В неизвестном направлении. Как призрак растворился. Никто не знает, где он. Жив ли? Не сошел ли с ума от “честности” жены и ее желания быть с тем, с кем он на неделе жарил шашлыки и травил байки?

Мама тихо шепчет, что не знает, как реагировать. Массирует виски, прикрыв глаза.

Ей дурно, и мне тоже. Тошнота подкатывает к горлу, горькая и густая.

— Дети знают? — строгий вопрос отца адресован Демиду.

Демид медленно качает головой, его взгляд прикован к бокалу.

— Разговор с ними предстоит сегодня вечером. Когда они вернутся из школьного похода. Мы пока с Минервой решили не тревожить их. пусть спокойно вернутся домой.

Он говорит это так, будто обсуждает... не знаю... покупки в магазине.

Это же мои дети. Наши дети. Сегодня вечером он вырвет у них из-под ног землю. Уничтожит их веру в нашу крепкую семью.

— Я тоже еще не говорила с сыном, — сипит Альбина. — Но он уже мальчик взрослый, все поймет. Хотела на выходных, но у него там какая-то тусовка с однокурсниками... Да и с Ваней... нужно настроить здоровый диалог, как со взрослым.

Она с тихой надеждой в голосе добавляет:

— Ваня уже должен быть готов к адекватному разговору,

а не только к хмурому молчанию и побегу. Так поступают подростки, — смахивает локон со лба. — Да, наверное, уже пришел в себя.

Я невесело хмыкаю. Пришел в себя. От такого не приходят в себя. От такого умирают внутри.

Демид отставляет стакан на барную стойку со звонким стуком.

Звук кажется невероятно громким в напряженной тишине. Он пытается улыбнуться, но получается кривая гримаса:

— Ну... мы все равно останемся семьей. Так или иначе.

Этот абсурд, эта попытка пошутить над трупом нашей семьи... У меня аж перехватывает дыхание. Я поднимаю на него глаза:

— Может, мне теперь выйти замуж за Ивана? — мой голос звучит странно ровно, почти весело, но эта фальшь режет уши. Усмешка сама срывается с моих губ— Чтобы семья уж точно осталась в том же составе, что и была? Идеальная симметрия.

Альбина слабо, виновато улыбается.

— Ваня вряд ли будет готов так скоро на новые отношения, — шепчет она, не поднимая на меня глаз. — Но... я не против, если вы сойдетесь. Вы тоже заслуживаете счастья.

Смотрю на сестру, на эту женщину, которую знала всю свою свою сорокалетнюю жизнь, с которой делила все секреты, все радости и горести. И вдруг в голове всплывает давний разговор. Месяц назад за веселым ужином... Это была

шутка, от которой я глупо и наивно отмахнулась.

Мне было тогда так легко и весело.

— Альбина... — мой голос тихий, но он заставляет ее встрепенуться. — Ты... ты совсем не шутила тогда? Месяц назад? Когда предложила... поменяться мужьями?

Она наконец поднимает на меня взгляд. В ее глазах — смесь вины, страха и какой-то упрямой решимости. Она отводит глаза в сторону и шепчет жуткие слова:

— Не зря же говорят, что в каждой шутке есть только доля шутки.

— Начнете грызню? — ехидно спрашивает старшая пятнадцатилетняя дочь Сеня, встряхивая растрепавшуюся темно-русую челку, и лопает жвачный пузырь с усмешкой. — Или... — хмыкает, — начнете заливать, что вы все также нас любите... и бла-бла-бла?

Ее глаза, ярко подведенные жирным темным карандашом, сверкают вызовом. Чавкает жвачкой, но ее худощавая фигура в мешковатом черном худи напряжена, как перед атакой

— Сеня, — Демид вздыхает, — все верно, я все еще твой отец...

— А вопросы будут, с кем мы хотим жить? — усмехается младший тринадцатилетний Игнат. — С мамой или папой?

— Или будете пинать нас по очереди друг к другу, как футбольные мячи? — Сеня щурится с угрозой. — В перерывах будете таскать к психологу?

— К психологу я не пойду, — Игнат кривится и морщит веснушчатый нос. — Не заставьте. Вам надо. Вы и ходите, а нас оставьте в покое.

— Я понимаю, такая новость...

— Да нам пофиг! — рывкает Сеня на Демиду, который медленно и терпеливо выдыхает через нос.

Я стою у окна у высокой этажерки, скрестив руки на груди. Демид оглядывается на меня и говорит:

— Может, ты что скажешь нашим детям.

А у меня глотку схватил спазм. Я сейчас не смогу ни слова сказать.

Мне больно за моих детей. Они не заслужили нашего развода. Не заслужили того, что в их жизни теперь папа будет лишь наполовину.

— Лишь бы не начала ныть, — фыркает Сеня и закатывает глаза в попытке симитировать интонации моего голоса. У нее неплохо это выходит, — какой ты, папа, козел и как ты мог... И за что ты так с нами? Я тебя люблю, трамвай куплю...

— Прекрати паясничать! — резко и грубо обрывает ее Демид. — Не смей передразнивать маму! Она ни в чем перед тобой не виновата!

— Подумаешь, позволила трахаться со своей сестрой, — хмыкает с вызовом Сеня.

Тошнота нарастает.

Воздух трещит от ненависти и боли.

Я вижу, как Демид буквально белеет, скулы резко выпирают под кожей. Его пальцы сжимаются в кулаки, костяшки белеют, а после разжимаются, но напряжение в пальцах остается. Он делает шаг к Сене:

— Я тебя очень прошу, дочка, так не выражаться.

Его голос — тихий, но такой страшный, что Игнат инстинктивно прижимается к спинке дивана, глаза расширяются.

Сеня не отступает. Она вскидывает подбородок, ее подведенные глаза горят азартом и обидой одновременно. Она перешла черту, и теперь ей остается только держаться.

— А хочешь сказать, что не позволила? — она переводит злой взгляд на меня. — Что ты молчишь? Ты же видела, как они друг на друга смотрели и... — вскрикивает, — ни черта не делала, слепая дура!

Обвинение справедливое, но обидное. По рукам пробегает дрожь.

Игнат испуганно косится на сестру. Он еще не готов к тому, чтобы кидаться оскорблениями в сторону отца и меня.

— Прекрати винить мать! — Демид тоже повышает голос. — Меня вини! Это я требую от твоей матери развода! Я! Я ухожу!

— Чем тетя Альбина лучше чем мама? — Сеня подходит к отцу вплотную. — Они же ведь даже похожи.

— Дочка, ты лишь должна знать то, что я люблю тебя и Игната, — хрипит напряженно Демид. — Я ваш отец...

Тут я уже не могу спокойно стоять. У меня не выходит сглотнуть ком тошноты, и я торопливо выхожу из гостиной, прижав пальцы ко рту. Дышу тяжело.

— Минерва, — Демид выходит за мной. — Это важный разговор и он не окончен...

Я бегу в гостевую уборную у лестницы, спотыкаясь о ковер. Дверь захлопываю за спиной, поворачиваю ключ дрожащими пальцами.

Зеркало над раковиной. Мельком гляжу в него. Бледная тень с огромными глазами и впавшими щеками.

Припадаю к холодному краю унитаза, и все, что копилось часами — страх, стыд, бессильная ярость — вырывается наружу горькими спазмами. Слезы смешиваются со слюной и желчью. Тело трясет мелкой дрожью, как в лихорадке.

Снаружи, за дубовой слышу голоса, сдавленные, словно в вакууме.

— Вот будет прикол, — ехидно смеется Сеня, — если мама залетела от тебя, а ты... к тете Альбине наострил лыжи. Я с удовольствием над всем этим поржу.

Залетела?

Что за бред?

Мы с Демидом предохранялись в те редкие моменты нашей близости, когда я настойчиво лезла к нему исполнять супружеский долг.

Да, в последнее время инициатива всегда шла с моей стороны, а Демид всегда лез за резинками, когда ему не удавалось избежать близости.

Я, правда, слепая дура.

Я прижимаю ладони к ушам, но слова Сени пробиваются сквозь дубовую древесину и мои руки, острые и ядовитые:

— Это же, правда, смешно. Залететь от мужа, который любит твою сестру, и еще в сорокет.

— Замолчи! — гаркает Демид.

— Может, маме, просто плохо, — сдавленно отзывает Иг-

нат. — Пап... А если... ты тогда останешься?

Я вытираю рот тыльной стороной ладони, дрожь не отпускает. Прислоняюсь лбом к прохладной плитке стены. Забеременеть? Сейчас? Когда все рушится? Мысль абсурдная, чудовищная.

— Пап, ты куда? — спрашивает Игнат.

— В аптеку, — мрачно отвечает Демид. — За тестами на беременность.

Заварник тяжелый в моих руках.

Фарфор, расписанный синими васильками — подарок мамы на прошлый юбилей.

“Настоящая семья пьет чай из настоящего фарфора,” — сказала она тогда, улыбаясь.

Только теперь настоящий в моей жизни лишь фарфор, а не семья.

Открываю банку с мелиссой. Аромат, который раньше обволакивал теплом, успокаивал после трудного дня, теперь бьет в нос едкой волной. Тошнота подкатывает к горлу, кислая и густая.

Ромашка — вторая банка. Ее пыльный, лекарственный запах смешивается с мелиссой в противный резкий коктейль.

Мой желудок сжимается спазмом.

Я засыпаю ложку за ложкой сухих листьев и цветков в носик заварника. Движения автоматические, как у заводной куклы. Шуршат сухие травы, а сердце стучит тихо.

Подхватываю заварник двумя руками. Разворачиваюсь к столу. Делаю шаг.

И пальцы разжимаются сами собой.

Звон! Оглушительный, пронзительный, разрывающий тишину. Фарфор бьется о белую плитку с таким треском, будто взрывается бомба. Острые осколки, похожие на белые мо-

лочные льдинки, разлетаются во все стороны.

Сухой чай — мелисса, ромашка — рассыпается пестрым, душистым мусором. Аромат трав становится невыносимым. Я зажмуриваюсь.

Внутри — вакуум. Ледяная пустота. Ни страха, ни гнева, ни даже печали. Просто... ничего.

Я знаю, что это самообман. Знаю, что любой взгляд, любое слово, любой неловкий жест могут пробить эту плотину. А потом — придет Ужас. Ужас перед завтрашним днем, в котором я могу быть беременной от Демида.

А он любит мою сестру.

Тихо опускаюсь на корточки. Плитка холодная под коленями сквозь тонкую ткань брюк. Аккуратно, как археолог, собираю осколки в одну кучку.

Лиш часть васильков уцелела. Кончики пальцев скользят по холодным краям. Вот этот крупный, с ручкой... Вот острый, как бритва...

Шаги. Тяжелые, знакомые. Демид.

Он входит на кухню, проходит мимо меня к столу, не глядя. Кладет на белую столешницу пластиковый пакет. Внутри — коробочки. Разные. Яркие. Надписи кричат беззвучно: «Тест на беременность», «Сверхчувствительный», «Результат за 1 минуту». Их целая куча. Он скупил пол-аптеки.

Чувствую, как его взгляд наконец опускается на меня, присевшую среди осколков. Тяжелый, оценивающий. В нем нет тепла, нет даже жалости. Просто констатация факта:

вот она, его нелюбимая жена, разбирает последствия своей неловкости.

И в этот момент острый край фарфорового осколка вонзается в подушечку указательного пальца левой руки.

— Ой! — Вырывается само собой, тихий звук удивления, а не боли.

Боль приходит мгновением позже — острая, жгучая.

Сначала появляется крошечная алая капелька. Она дрожит, растет. И вдруг — тоненький ручеек крови стекает по бледной коже к ладони. Я машинально подношу палец ко рту, ведь срабатывает инстинкт.

— Не надо. — Голос Демида спокоен, деловит.

Он уже рядом. Его рука опускается мне на плечо, твердая, направляющая.

Подхватывает под локоть

Он поднимает меня на ноги, как неуклюжего ребенка, действуя с той же мягкой настойчивостью, с какой когда-то учил кататься на велосипеде Сеню. Отводит в сторону от зоны катастрофы.

— Смотри под ноги.

Тянется к верхнему шкафчику возле раковины. Там у нас хранится аптечка.

Достает зеленую пластиковую коробку с красным крестом. Ставит на стол рядом с пакетом тестов. Открывает. Запах йода и медикаментов смешивается с чайным ароматом, делая воздух еще более ядовитым.

Кровь ползет по коже тонкими теплыми нитями и капает на белый кафель.

Кап-кап.

Слежу за его руками. Широкие, сильные, с коротко подстриженными ногтями. Те самые руки, что держали меня, гладили детей, строили нашу беседку по выходным. Теперь они достают вату, бутылек с бесцветной жидкостью, узкий белый бинт.

Берет мою руку. Его пальцы теплые, мои — ледяные. Он не смотрит мне в глаза. Только на рану. Смачивает ватку дезинфицирующим средством. Резкий, химический запах бьет в нос.

Жжение. Я вздрагиваю, но молчу. В груди разверзается дыра. Она такая огромная, что кажется, сейчас засосет весь наш дом. Я забываю дышать. Просто стою и наблюдаю

Он промокает кровь, аккуратно очищает края пореза. Движения точные, медицинские. Как будто чинит сломанный прибор. Ни нежности, ни сожаления. Просто процедура. Накладывает сухую ватку, начинает бинтовать. Белая лента обвивает палец туго, но не больно. Его пальцы ловко завязывают маленький, аккуратный узелок на верхней стороне.

Заканчивает. Его пальцы отпускают мою руку. И только тогда он поднимает взгляд.

Наши глаза встречаются. Ничего в его взгляде не могу узнать, понять.

Я сжимаю перебинтованный палец другой рукой, пыта-

ясь сдержать дрожь, которая хочет прорвать ледяной панцирь. Сердце стучит тихо-тихо, как у замерзающего, готового уснуть навсегда.

— Я уберусь здесь, — говорит он тихо, отводя взгляд к осколкам и рассыпанному чаю. Голос ровный, без эмоций. — Заварю тебе другой чай. А ты... — Он кивает в сторону пакета на столе. — Пожалуйста, сходи и сделай тесты. Сейчас.

Его «пожалуйста» звучит как приказ. Вежливый, но железный.

Смотрю на коробочки. На их яркие, лживо-оптимистичные упаковки. На Демида. На его каменное лицо. Тошнота снова подкатывает, горьким комком.

Тихо, почти шепотом, выдавливаю вопрос, который жжет губы:

— А что... это изменит, Демид?

Демид молча тянется к верхнему шкафчику. Шуршание пакетов с крупой, глухой стук крышек.

Он достает запасной заварочный чайник – простой стеклянный, с металлической крышкой и ручкой, легкий и неказистый после тяжелого фарфора.

Ставит его на стол рядом с проклятым пакетом с тестами на беременность. Звук стекла о столешницу – короткий, холодный тук.

А я стою. Прижала перебинтованный палец к груди. Кровь пробивается сквозь вату, на бинте алеет маленькое пятнышко. Оно пульсирует в такт сердцу, которое бьется где-то в горле, глухо и часто.

Взгляд застыл на пакете с тестами.

А в урне лежат белые осколки, как куски костей. Мой любимый чайник разбит. Как и я.

Двадцать лет назад я сделала свой первый тест на беременность.

Утро, солнце полосами на паркете нашей первой съемной квартирки. Дрожащие руки, розовая полоска-призрак.

Как билось сердце! Как воздух звенел от предвкушения!

“Демид! Демид! Смотри!”

Я помню его объятия, смех, поцелуи в макушку, в живот, еще невидимый.

«Если девочка, то Есения, а если мальчик то Игнат»

Восторг, разрывающий грудь. Любовь, густая, как мед. Счастье. Квинтэссенция солнечного молодого счастья.

Сейчас в груди – выжженная пустыня.

Голое отчаяние, холодное и соленое на губах.

Не хочу знать. Мысль ясная, паническая. Если узнаю сейчас, что ношу под сердцем ребенка того, кто меня разлюбили, мозг перегорит. Я потеряюсь. Время свернется, пространство расползется.

Я упаду в черную дыру и меня не станет. Я сойду с ума.

— Минерва, — голос Демида тихий и строгий. Он стоит у раковины, ополаскивает чайник от пыли. Не смотрит. Голова лишь чуть повернута в мою сторону. — Займись тестами. Пожалуйста. Я тебя очень прошу.

Его «Пожалуйста» — его вежливое лезвие. Я сжимаю перебинтованный палец сильнее.

Боль пронзает, резкая, отрезвляющая.

Если я беременна, то все станет в миллион раз хуже. Сложнее. Невыносимее. Горше.

Демид отставляет заварник, и наливает из графина воду в электрический чайник.

Щелк. Загорается белая подсветка у дна чайника.

Демид поворачивается, опирается о столешницу одной рукой.

— Понимаю твое замешательство, — говорит он тихо. Глаза его пустые, усталые. — Поверь, я сам... невероятно

растерян. Но знать надо. Беременна ты или нет.

— Я... я сейчас хочу умереть, Демид, — вырывается у меня.

Искренне. Глубинно. В этом — вся правда моей изуродованной души.

Он закрывает глаза. Тяжело, медленно вздыхает. Звук похож на стон.

— Пройдет время, — говорит он, глядя куда-то в пол. — Тебе... станет легче. Обязательно. Мы... все... как-нибудь пойдем, как жить дальше. — Слова без веры. Пустые. — Но сейчас... нам нужно знать. Введена ли в наше уравнение... новая переменная.

Горькая, истерическая усмешка поднимается из самой глубины. Я хватаю пакет с тестами. Пластик хрустит в моей сжатой руке. Острые углы коробок впиваются в ладонь.

— Новую переменную? — шиплю я, глядя на него. — Вот как ты это называешь? Вероятного нашего ребенка? Переменная?

Он молчит. Отворачивается к шипящему чайнику.

Я разворачиваюсь и почти бегу из кухни. Кровь с пальца отпечаталась на бинте ярче. В ушах — звон. В носу — привкус желчи.

В дверном проеме гостиной — тень. Сеня.

Она прислонилась к косяку, руки в карманах мешковатого худи. На лице — та же мерзкая, знающая ухмылка. Она преграждает путь.

— Мама, а че расквасилась? — хмыкает.. Она смотрит на пакет в моей руке, и ухмылка растягивается. — О, тесты! Ну, подумаешь. Сделаешь аборт – и никаких проблем, — Она пожимает плечами, театрально небрежно. — Папа со спокойной душой свалит к тете Альбине. И никаких обязательств. Ни перед тобой. Ни перед... — она кивает на пакет, — ... этим малышом. Который сейчас вообще никому не нужен, — последние слова она проговаривает четко и громко. «Аборт». «Никому не нужен». «Расквасилась». «Свалит к тете Альбине».

В глазах темнеет. По спине пробегает ледяная, яростная дрожь. Тело движется само. Рука заносится – резко, неудержимо, как пружина, сжатая до предела.

Хлоп!

Звук пощечины – сухой, громкий. Ладонь жжет, отдает в запястье.

Сеня вскрикивает – не плач, а визгливый звук удивления и боли. Отскакивает назад, вжимается в стену. Темно-русые пряди челки падают на подведенные глаза. Они теперь – огромные, круглые, полные чистой, дикой злобы. Нижняя челюсть выдвинута вперед, зубы оскалены. Она похожа на раненого звереныша, готового укусить.

— Ты обалдела?! — Она трясет головой, прижимая ладонь к щеке, где уже расцветает красное пятно. — Знаешь что?! А я буду жить с папой! Жить с такой истеричкой, как ты, я не буду! Слышишь? Не буду!

Ее голос срывается на крик. Она тычет пальцем в мой живот, точнее — в пакет с тестами на беременность.

— И не надейся! — кричит она, слюна брызжет. — Не надейся, что я буду нянчиться с твоим запоздалым кретином! Он никому не нужен! Ни тебе! Ни папе! Никому! Слышишь? НИ-КО-МУ!

— Марш к себе в комнату! — от баса Демида за спиной вздрагивает люстра над головой. — Немедленно!

Сеня отталкивается от стены и выбегает из гостиной.

Я слышу, как она мчится вверх по лестнице, громко топая по ступеням. Дверь ее комнаты хлопает с такой силой, что стены дрожат.

— Минерва, не тяни время, — с хриплой яростью просит Демид. — Я должен знать.

Сжимаю в пальцах пластиковый стаканчик с моей мочой. Запах, резкий и с остринкой.

Пятнадцать белых тест-полосок лежат на крышке корзины для белья.

Я беру первый тест. Рука не слушается, пальцы скользят по гладкому пластику. Опускаю. Жду. Три секунды. Целая вечность вечность.

Вынимаю. Капля желтой жидкости падает на белый кафель – плюх. Кладу тест бортик раковиний. Идеально ровно. Надо, чтобы было ровно. Чтобы хоть что-то в этом аду было под контролем.

Вторая тест-полоска. Третья. Четвертая. Механические движения. Вдох – сквозь ком в горле.

Выдох – дрожащий, прерывистый.

Каждый новый тест – это нож, воткнутый глубже в мою изодранную в клочьяю душу. Молю. Прошу.

Пусть ничего не будет.

Пусть это будет обычная тошнота от стресса, от горя, от предательства, от этого кошмара...

Пусть я не буду беременной. Умоляю.

Пятнадцатая полоска ложится в конец безупречного ряда. Я смотрю на них и не шевелюсь.

Я с грохотом опускаю крышку унитаза. Звук гулкий. Са-

жусь. Холодный пластик леденит кожу сквозь тонкую ткань брюк.

Опираюсь локтями о колени. Лицо прячу в ладони. Они ледяные, влажные от пота страха. Делаю медленный, глубокий вдох. Воздух обжигает легкие. Выдох – сдавленный стон, рвущийся из самой глубины.

— Молю... — шепчу в ладони, и звук прилипает к коже. — Прошу... Пусть кончится этот ужас... Я не хочу... — Слова превращаются в бессвязный шепот, молитву отчаявшейся души перед казнью. — Не хочу... Так не должно быть...

Тишина в ванной оглушает. Только мое неровное дыхание и гул в ушах. Я вслушиваюсь в пустоту за дверью. И вдруг – шаги. Не тяжелая поступь Демида, не дерзкий топот Сени. Мягкие, неуверенные шаги. Игнат.

Они замирают прямо у двери. Я отрываю лицо от ладоней. Кожа сухая, слезы так и не потекли – внутри все выжжено дотла.

Я в напряжении смотрю на дверь и медленно сглатываю. Слышу – тяжелый, глубокий выдох. Словно копит силы.

Тук-тук. Легкий стук костяшками пальцев.

— Мам? — Голос Игната, обычно такой звонкий, теперь тихий, сдавленный, пробирающий до мурашек. — Мам, ты там?

Я запускаю пальцы в волосы у висков, сжимаю их в кулаки до хруста суставов. Тяну волосы. Сильнее. Боль растекается по коже головы горячими волнами, приглушая внутренний

вой.

Это хоть что-то реальное. Это сдерживает панику, грозящую вырваться истерическим воплем и слезами.

Я должна быть сильной.

— Чего тебе, сынок? — Мой голос звучит хрипло, чужим, но удивительно спокойным.

Как будто кто-то другой говорит из глубины этого ледяного колодца отчаяния.

За дверью — молчание. Тягучее, гнетущее. Я вижу его в воображении — прижавшимся лбом к дереву, сжавшим кулаки. Слышу его прерывистое дыхание.

— Мам... — шепот, полный детской, наивной надежды, которая режет острее ножа. — Если... если ты там... беременна... — он запинается, слово дается ему с трудом, — то папа же... То вы с папой не разведетесь? Он останется? С нами? Верно? Он... он ведь не уйдет, если будет малыш?

Мой взгляд непроизвольно скользит к ряду белых полосок на кафеле. Они все еще белые. Пока. Но вопрос Игната — это новый удар. По самому больному. По последней, самой глупой и потаенной надежде, которую я сама в себе пыталась задавить. А вдруг?... Вдруг ребенок...

Я закрываю глаза. Крепко-крепко. Но за веками — не темнота, а лицо Демида. Холодное. Стальное. Говорящее о "переменной в уравнении".

Его слова о любви к Альбине. Потом я вижу саму Альбину. Я натягиваю волосы еще сильнее, до слез в глазах.

— Нет, сынок, — тихо говорю я, открывая глаза и глядя прямо на дверь, будто он может меня видеть. Голос ровный, мертвый. — Я так не думаю. Папа... Папа с нами не останется. Ни при каких обстоятельствах. Он любит тетю Альбину. Он хочет быть счастливым...

Тишина за дверью сгущается. Становится плотной, злой, обжигающей. Чувствую, как Игнат замер, как в нем клокочет что-то темное, детское, не знающее выхода.

— Нет! — Его шепот срывается на рычание, низкое, звериное, от которого по спине бегут мурашки. — Нет, мама! Сделай так! Сделай так, чтобы он остался! — Голос взлетает, становится пронзительным, истеричным. — Я не хочу! Я не хочу, чтобы папа уходил! Я не хочу, чтобы вы развелись! Не хочу-у-у!

БАМ!

Он бьет ногой в дверь. Грохот оглушает, эхом раскатывается по маленькой ванной, сотрясает стены. Я вздрагиваю всем телом, сердце колотится где-то в горле, перехватывая дыхание. Слышу его сдавленные всхлипы, яростное шарканье ног по полу, еще один удар, слабее — тык.

Затем — быстрые, удаляющиеся шаги. Затихают в коридоре.

Я сижу, пригвожденная к холодной крышке унитаза. Ладони снова на лице. Дышу. Просто дышу, через силу. В перебинтованном пальцу пульсирует боль, напоминая о разбитом чайнике. О разбитой жизни. О моей слабости и ничем-

ности.

Медленно, как будто двигаюсь сквозь густую смолу, я поднимаюсь на ноги и опускаю глаза. Мой взгляд падает на аккуратный рядок на кафеле. На пятнадцать белых полосок, которые сейчас вынесут мне приговор.

И первая... Самая первая в ряду... На ее контрольной зоне, еще едва заметно, но уже неоспоримо, проступает тонкая-тонкая розовая полосочка.

Я все же всхлипываю, прижимаю ладонь ко рту и приваливаюсь к кафельной стене, а после сползаю по ледяной стене вниз на пол.

— Минерва? — раздается натянутый голос моего мужа Демида.

Я сажусь обратно на унитаз, не в силах стоять на ногах.

Три удара костяшек по косяку.

Сухие, тяжёлые, как по гробу.

Тук. Тук. Тук.

Звук эхом отдаётся в моих висках, смешиваясь с гудящей тишиной ванной и бешеным стуком сердца.

Я отрываю взгляд от тестов на беременность, от пятнадцати приговоров, выложенных на холодном кафеле бортика раковины.

Ноги ватные, подкашиваются, когда я пытаюсь встать с ледяной крышки унитаза. Опираюсь ладонями о холодную плитку стены, оставляя на ней влажные отпечатки.

Один шаг. Второй. Третий. Кажется, прошла километр. Воздух в легких колючий, как ледяная пыль.

Глубокий вдох. Резкий выдох, срывающийся на полпути.

Собираю последние крохи силы, всю ярость, весь стыд, всю ледяную пустоту – и поворачиваю защелку замка. Скрип металла режет тишину.

Дверь открывается, и передо мной – Демид. Не мой муж. Чужой.

Его лицо врезается в сознание в мельчайших деталях, которые навсегда останутся в душе кровавым шрамом.

Запомни. Запомни навсегда это лицо.

Этот момент чистого женского отчаяния.

Скулы Демида заострились. Челюсть напряжена до предела, выдвинута вперед, будто он стискивает зубами невыносимую правду.

Губы – тонкая, бескровная черта, исчезнувшая в привычной мягкости. Лоб пересечен глубокими бороздами морщин – четыре резкие линии, будто вырезанные ножом.

Карие глаза, которые я когда-то называла медовыми, теперь – угольки черного льда. Ни капли тепла, ни искры жалости. Только мрак, решимость.

Запах его – незнакомый, горьковатый, смесь дорогого одеколона, пота и едкого стресса.

Этот портрет Демида навсегда в моей памяти.

Я молча отступаю в сторону, прижимаясь к косяку. Пространство ванной кажется крошечной клеткой. Он проходит мимо меня, не глядя, не касаясь.

Запах его усиливается – теперь в нем отчетливая нота горького адреналина, пробивающаяся сквозь одеколон.

Демид останавливается перед раковиной. Замирает. Спина прямая, неестественно напряженная. Его взгляд падает на ряд белых пластиковых палочек. На тонкие розовые двойные полосочки, проступившие на каждой.

Тишина давит, звенит в ушах. Слышно, как тяжело, с присвистом, он втягивает воздух через нос. Выдыхает – долгим, дрожащим потоком. Закрывает глаза. Веки сомкнуты плотно, будто пытается сдержать боль, стереть увиденное. Мышцы на висках пульсируют. Две секунды. Три. Он открыва-

ет глаза. Снова смотрит на полосы. Снова. Убеждается. Его пальцы сжимаются в кулаки, костяшки белеют.

Я не выдерживаю его взгляда, когда он наконец поворачивает голову ко мне. Угрюмый, тяжелый, полный немом обвинения. Отворачиваюсь Горло перехвачено, но слова вырываются хриплым, севшим, чужим голосом:

— Они все... положительные.

— Вижу, — два тихих слога.

И вновь молчание.

Молчание сгущается, становится физически ощутимым, вязким и удушающим. Запахи – бинт на моем пальце, его горький пот, моя моча смешиваются.

Меня опять мутит

Он снова делает этот резкий, свистящий вдох. И вдруг – взрыв!

БАМ!

Его кулак со всей яростью врывается в кафель рядом с зеркалом. Зеркало дрожит.

Вижу его руку – содранные, окровавленные костяшки, белесую трещину на кафеле.

Он резко отдергивает руку, встряхивает ею, как будто сбрасывая боль, ярость, эту невыносимую реальность.

Раздается глухой хруст – он резко поворачивает голову, разрабатывая зажатые позвонки шеи. Звук костный, жуткий. И он идет мимо меня.

Торопливо. Не глядя. Неуклюжий шаг, другой.

Я чувю, как голодная волчица, запах его крови. Демид сжимает челюсти так сильно, что видно, как напряглись мышцы на скулах.

Все запахи обострились. Да, я точно беременна.

Он выходит в спальню. Останавливается посреди комнаты, спиной ко мне. Голова опущена. Плечи вздымаются в такт тяжелому, прерывистому дыханию.

Медленно, с усилием выдыхает через нос. Но напряжение не спадает. Оно клубится вокруг него черной тучей. Видно, как гнев, отчаяние, невозможность принять этот удар бурлят в нем, требуя выхода. Он не справляется.

И тогда в гнетущей тишине спальни, в полумраке, звучит его голос. Тихий. Сдавленный. Полный непонимания и бес- сильной злобы судьбе. Вопрос в пустоту, в самую бездну:

— Почему... Почему именно сейчас?

Я переступаю порог ванной.

Ноги едва держат. Холодная металлическая ручка двери – единственная опора в этом рушащемся мире.

Я сжимаю ее. Боль пульсирует в перебинтованном пальце.

Не мигаю, смотрю в его напряженную спину. Тихий, отчаянный, надтреснутый вопрос рвется наружу:

— Демид... — делаю паузу, собирая последние крохи мужества. — Если бы... если бы ты узнал о моей беременно-

сти... до моего юбилея... — голос срывается. Я заставляю его звучать снова. — Ты поднял бы разговор о разводе?

Вопрос висит в воздухе. Гнетущий. Страшный. Я не вижу его лица. Только спину. Только то, как его плечи замерли, будто окаменели. Тишина длится вечность.

— Я должен быть сейчас с Альбиной, — говорит он и выходит из спальни, — сейчас она мне нужна.

Дверь распаивается, и вот моя Альбина, ради которой я решил жить другой жизнью.

Теплая, пахнущая ванилью и ирисами. Улыбка, шире обычного, светится в полумраке подъезда.

— Демид! — Ее голос, низкий и немного хриловатый от волнения.

Она не ждет, обнимает меня за шею. делает глубокий вдох у самой моей кожи, под ухом — горячий, влажный. Ее пальцы впиваются ныряют в волосы на затылке, чуть дергая.

— Скучала, — шепчет прямо в кожу, губы шевелятся, вызывая мурашки. — Так скучала... Теперь можно. — Она отстраняется ровно настолько, чтобы поймать мой взгляд. Глаза — огромные, темные, полные лихорадочного блеска. — Можно целовать.

И целует. Нежно сначала, уголок губ, потом жадно, влажно, с легким посасыванием. Я отвечаю машинально, вдыхая ее запах — ваниль, ее кожа, духи с ноткой жасмина. Пытаюсь этим воздухом, ее воздухом, затушить черную дыру тревоги, что разверзлась внутри. Но она только растет, холодная и тяжелая.

Альбина отрывается, гладит меня по щеке ладонью. Кожа у нее теплая, мягкая.

— Заходи же скорее, — шепчет она, все еще улыбаясь, но

в глазах уже пробежала тень вопроса.

Моя неподвижность, мое молчание — они кричат громче слов.

Переступаю порог. Под ногами пружинит яркий коврик «Добро пожаловать».

Ирония.

Прихожая Альбины. Просторная Пахнет свежим кофе и сладким печеньем.

На стене — вешалка-стойка из светлого дерева, несколько пальто, шарфы. На полу — аккуратно стоящие туфли, кроссовки. Порядок, уют.

— Дай, — Альбина ловко стягивает с меня пальто.

Шерсть скребет по рукавам рубашки. Она вешает его на крючок, движение привычное, легкое.

Я же чувствую, как гора на плечах не уходит, а лишь меняет форму. Прохожу дальше, мимо зеркала, в котором мелькает мое отражение — мрачное.

Опускаюсь на мягкий пуфик у шкафа-купе. Пружины тихонько скрипнут под моим весом. Тяжелый вздох вырывается сам собой, будто я только что пробежал марафон. Тру ладонью лоб. Кожа натянута, голова гудит.

Медленно, как старик, нагибаюсь. Пальцы не слушаются. Поддеваю пятки, стаскиваю туфли. Они падают на пол с глухим стуком. Сижую, уставившись в паркет, блестящий от недавней уборки.

Альбина присела рядом на корточки. Ее колено почти ка-

сается моего. Чувствую тепло от нее. Вижу краем глаза, как напряглись ее пальцы, сжавшись на коленях.

— Разговор с детьми... вымотал, да? — ее голос тише, осторожнее. — Сильно бесились? Сеня, наверное... устроила грандиозный скандал? Она же у нас такая, взрывная девочка.

Я поднимаю голову. Медленно. Веки кажутся свинцовыми. Вижу, как ее улыбка гаснет, как глаза расширяются, наполняясь внезапным страхом. Она аж отшатывается, припадая на коленях.

— Демид... — шепчет она, голос дрожит. — Что... что случилось? У тебя... такой взгляд. Будто... будто кто-то умер.

Слова вязнут в горле. Комок тошноты подкатывает к самому верху. Я чувствую вкус желчи на языке.

Ни капли радости. Только ледяная пустота и тоска перед тем, что я стану отцом ребенка от нелюбимой женщины.

Голова пустая, как вымерзший котелок. Ни мыслей, ни планов. Одно сплошное "почему сейчас".

— Минерва, — выговариваю я каждое слово четко, механически, будто читаю приговор. — Беременна.

Тишина. Гулкая. Давящая. Слышно, как за окном проехала машина.

Альбина застыла. Потом резко, почти судорожно, вскидывает голову. Короткий, нервный, совершенно невеселый смешок вырывается у нее.

— От... от кого? — Голос звучит глупо, нелепо, даже для

нее самой. Она пожимает одним плечом, будто отмахиваясь от абсурда.

И вдруг вся съеживается. Обхватывает себя руками за плечи, крепко-крепко, будто внезапно продуло ледяным ветром. Губы подрагивают.

Мне физически тяжело это говорить. Словно язык стал ватным и огромным. Тошнота накатывает новой волной. Отец? Я? Снова? Сейчас? Когда все рухнуло? Это не жизнь, это кошмар.

Я думал правда меня освободит.

— Как это "от кого"? — Хмыкаю. Звук получается сухим, мертвым. — От меня.

Я не отвожу от нее взгляда. Вижу, как ее зрачки расширяются еще больше, почти заполняя радужку чернотой. Выдох срывается у нее — не плач, а хриплый, надломленный стон, как у раненого зверя. Она прикрывает губы дрожащими пальцами. Ногти — бежевые, аккуратные, как у Мины... Боже.

— Как... — Альбина задыхается, — как это беременна? Ты... ты уверен? Она... она не могла... сейчас же... как? — Голос срывается на визгливую ноту непонимания.

Раздражение, тупое и внезапное, кольнуло меня. Усталость. Бесконечная усталость от этого ада.

— Мне объяснить, Альбина, — говорю я, голос ровный, но в нем слышится холодное лезвие, — как появляются дети? Техническую часть?

Ее лицо искажается. Не страх, нет. Внезапная, дикая ярость.

— Она ВРЁТ! — крик рвет тишину квартиры. Альбина вскакивает на ноги, отпрянув назад. Слезы брызжут из ее глаз, оставляя мокрые дорожки на щеках. — Она специально врет! Понимаешь?! Она хочет тебя задержать! Привязать! Она не отпустит тебя теперь НИКОГДА! — Она всхлипывает громко, истерично, трясая головой. — Она тебя обманывает, Демид! Она, она... она подстроила! Не верь ей! НЕ ВЕРЬ!

Она задыхается, рыдания сотрясают ее тело. Она пятится к стене, прижимая кулаки ко рту, глаза полны паники и ненависти. К Мине. К ситуации.

Возможно, и ко мне? Если будет ребенок, то, значит, была междумной и Минервой близость.

Мне самом гадко от самого себя

Мысль проносится: даже ради этого ребенка... я не смогу. Не смогу вернуться. Не смогу снова задохнуться в фальши, в нелюбви. Остаться с Миной — это медленная смерть. Клетка. Я сдохну там. Умру.

Встаю. Ноги тяжелые.

Нас все равно ждет развод.

Ребенок... ребенок не изменит ничего. Это лишь... катастрофа в катастрофе.

Подхожу к ней. Альбина пытается отшатнуться, но я силой, почти грубо, сгребая ее в охапку. Прижимаю к себе. Она бьется, всхлипывая, но я держу крепко. Шепчу в висок,

в ее пахнувшие цветочным шампунем волосы:

— Тише. Тише, Аля. Я здесь. Я с тобой. Я пришел. Я там, где должен быть. Рядом с тобой

Она прижимается ко мне, рыдания становятся глубже, горше.

— Как же так... — шепчет она сквозь слезы, голос разбитый. — Как же так... если... если моя сестра... беременна... — Она вдруг отстраняется, резко, вырываясь из объятий. Смотрит на меня. Глаза — мокрые, огромные, полные внезапной, страшной решимости. — Демид... — голос ее становится тише, но острее. — Ее... ее надо отправить на аборт.

Я крепко сжимаю холодные цепи качели. До боли.

Я раскачиваюсь едва заметно, вперед-назад, вперед-назад. Каждый толчок носка ботинка в рыхлую землю отдается ту-пой болью в висках.

Воздух густой, сладковато-приторный от цветущей жимолости. Где-то в стороне назойливо трещит цикада, ее монотонный стрекот – единственный звук, кроме скрипа старых петель качелей подо мной.

Скрип-скрип. Скрип-скрип. Ритм моего личного ада.

А напротив стоит он. Руки глубоко засунуты в карманы брюк, плечи напряжены. Его взгляд уперся куда-то в пространство между моими коленями и землей, избегая встречи с моими глазами.

Наконец, я поднимаю голову. Перевожу взгляд на него. Он чувствует это – его челюсть резко сжимается, мышцы на скулах играют под кожей. Он буквально каменеет, готовясь к удару моих слов. Воздух между нами наэлектризован.

Морщины у его глаз стали глубже. Я так любила раньше целовать его в уголки глаз, но...

Теперь это просто детали чужого лица.

Я делаю глубокий, шумный вдох. Запах жимолости смешивается с запахом влажной земли и его легким, знакомым, ненавистным теперь одеколоном.

— Я не спала. Всю ночь. Думала, как нам... — Голос сры-
вается, я откашливаюсь, чувствуя, как жжет в груди. — ...как
нам выйти из этого. С наименьшими потерями для всех.

Демид лишь хмыкает. Короткий, сухой, презрительный
звук. Он делает шаг вперед, сокращая дистанцию. Теперь он
смотрит на меня не просто напряженно, а сверху вниз. Его
тень накрывает меня.

— И? — вырывается у него.

Я сжимаю цепи сильнее Сердце колотится так сильно, что
тяжело дышать.

— Ты же... все равно не хотел этого ребенка. — Пауза.
Боль сжимает горло так сильно, что темнеет в глазах. Я глот-
аю соленый комок слез, которые не смею выпустить. — Даю
тебе... спокойный развод. Без судов. Без криков. Без сканда-
лов. Без... дележа грязного белья на публику. Ты... — Я де-
лаю еще один вдох, пытаюсь унять дрожь в голосе. — ...остав-
ляешь меня с малышом в покое. Не претендуешь... на от-
цовство. Ты будешь ему никем.

Его глаза расширяются от изумления, потом сужаются до
щелочек. Голос звучит хрипло, сдавленно:

— Ты... хочешь, чтобы я отказался от своего ребенка? На
бумаге? Официально?

Я не отвожу взгляда. Не могу. Не имею права показать
слабость. Медленно, очень медленно, киваю. Звенит в ушах.

— Да. В свидетельстве... будет прочерк. — Мои слова па-
дают в тишину, как камни в болото. — У этого мальчика...

или девочки... не будет отца. Будет... только мать. Я.

— Мина, это... несусветная глупость! — взрывается он, делая еще один агрессивный шаг вперед. Мои колени едва не задевают его. — Это же мой ребенок!

— Можем! — перебиваю я резко, голос внезапно крепнет от отчаяния и странной решимости. — Мы можем притвориться, что это не твой ребенок. Что ты... не имеешь к нему никакого отношения. Ты будешь жить в любви с моей сестрой, — я не могу выговорить имя сестры. — Вы родите своих... долгожданных детей. А я... я буду со своим малышом. Никто вам не помешает. Ни я. Ни он.

Демид вскидывает руку: резкий жест "стоп". Его лицо искажено смесью гнева и недоумения. Он закрывает глаза, делает глубокий, шумный вдох, потом такой же выдох. Когда он открывает глаза снова, в них читается усталость и ледяное презрение.

— Может, ты предложишь мне еще отказаться от Игната и Сени? — спрашивает он медленно, растягивая слова, с тяжелой иронией. — Чтобы было совсем "чисто"?

Я раскачиваюсь назад, цепляясь взглядом за его лицо. Внутри все обрывается. Но я киваю. Еще раз. Твердо.

— Да. Это... было бы честно.

— Честно? — Он почти кричит это слово, заставляя смолкнуть даже цикаду. Наклоняется, его лицо приближается, глаза сверлят меня. — Мина, ты в своем уме? Что ты несешь?! Отказаться от всех своих детей?

— Папа отказался от тебя, а не от нас! — раздается резкий, истерично-громкий голос Сени.

Она выходит из-за кустов сирени, ее лицо искажено подростковым гневом и презрением, направленным прямо на меня. Темные волосы растрепаны, глаза горят. Она останавливается рядом с качелями, с вызовом глядя на отца:

— Я уже собрала вещи. Сегодня уезжаю с тобой. К тете Альбине насовсем.

Встает рядом с отцом.

Горькая усмешка сама вырывается у меня. Я качаюсь вперед, встречая ее взгляд.

— Вряд ли ты нужна сейчас ему рядом с его любимой Альбиной, Сенечка, — говорю я тихо. Голос звучит странно спокойно, почти отрешенно. — Ты им будешь мешать. Как ты не возьмешь это в толк?

— Довольна, Минерва! — Демид резко обрывает меня. Переводит пристальный взгляд на дочь, — мои дети мне всегда нужны. Всегда, — он делает шаг к Сене. — Если ты готова... сегодня поехать со мной... я принимаю твое решение. Ты — моя дочь.

Сеня торжествующе смотрит на меня, подбородок задран. Но в ее глазах, помимо злости, читается страх. Страх быть отвергнутой.

Он боится потерять отца, и я не должна обижаться на нее. И я не обижаюсь, потому что она уже... не ребенок, и у нее было свое счастливое детство с любящим папой, а у горо-

шинки в моем животе...

Того папы, который был и Сени и Игната не будет.

— А Альбина? — спрашиваю я тихо, глядя прямо на Демиду. Качели замирают. — Она будет рада?

Демид наклоняется. Близко-близко. Его дыхание, пахнущее кофе и горечью, касается моего лица. Он вглядывается в мои глаза, будто ища там правду, ложь, безумие. И медленно, по слогам, чеканит:

— Да. Она готова. Принять. Моих. Детей. Всех. Потому что она любит меня. А они — часть меня.

— И даже того, кто только появится на свет?

— Да, я не хотел от тебя третьего ребенка, но он будет, — четко и по слогам проговаривает Демид, — он родится, и я буду его отцом.

— Ты бы нам мог упростить жизнь... Всем нам, а так ты никого не жалеешь. Ни меня, ни Альбину.

— Правильные решения никогда не бывают простыми, Мина, — хрипло говорит он, — я знал, что наш развод будет сложным.

— Я могу тебе теперь не дать развод, — усмехаюсь.

— Это ничего не изменит. Ты мне больше не жена. Да, мать моих детей, но не жена, — затем обращается к Сене, — иди за вещами и спроси Игната. Он с нами или нет?

Кто-то стучит в дверь.

Я вздрагиваю, чашка с ромашковым чаем подскакивает в руке, обжигая пальцы. Горьковатый пар щиплет ноздри.

Кто? Может, дети вернулись? Сердце учащает бег. Не выдержали и двух дней у Альбины? Я поступила правильно, что отпустила их. Знала, я знала, что они вернутся.

Отставляю чашку чая к письмам от юристов Демида.

Пол паркета холодный сквозь тонкие носки.

Каждый шаг отдается пустотой в доме. Он слишком большим для одной женщины.

Открываю дверь.

И воздух вырывается из легких. Словно ударили под дых.

На пороге – Демид. Его знакомый силуэт, резкий запах осеннего ветра и дорогого сандала.

Но рядом с ним – не Альбина.

Высокая, подтянутая женщина. Строгое лицо, тонкие губы, собранные в тугий пучок пепельные волосы. И этот костюм – твидовая шерсть цвета мокрого асфальта, безупречная линия покроя.

На носу – очки в тонкой золотистой оправе, за стеклами – холодный, оценивающий взгляд.

Внизу, у крыльца, мнутя Сеня и Игнат. Сеня, в своем вечном черном худи, капюшон наполовину натянут, смотрит

куда-то в сторону, ковыряет ботинком трещину в бетоне. Игнат, съежившийся, в синей ветровке, уткнулся носом в воротник, будто хочет исчезнуть.

— Демид?.. – мой голос – хриплый шепот. — Что... Это кто?

Сердце колотится где-то в горле, мешая дышать. Что происходит?

Неужели притащил кого-то из детской опеки? На меня накинывается паника и страх.

Демид не отвечает. Не глядя на меня, он решительно шагает вперед, в прихожую.

Его плечо задевает мое – твердое, чуждое. Запах его – знакомый и теперь невыносимый – смесь кожи, кофе и сандала.

Он проходит вглубь, к гостиной, и лишь тогда оборачивается. Его взгляд скользит по мне – мимо – и бьет в детей, все еще топчущихся на пороге.

— Сеня! Игнат! Заходите! Немедленно! – голос резкий, командный. Не отец. Командир. – Не заставляйте ждать! Мы все с вами обсудили.

Потом он поворачивается к женщине в твиде. Лицо его меняется, натягивается маской вежливости, но глаза остаются ледяными.

— Екатерина Ивановна, прошу, – говорит он чуть мягче, но все равно официально, жестко указывая рукой внутрь. – Добро пожаловать.

Сеня, фыркнув, протискивается мимо меня. Нарочито за-

девает плечом Екатерину Ивановну. Та даже не пошатнулась, лишь чуть отвела плечо.

— Папа заставил, — бросает Сеня в пространство, кривя губы в презрительной гримасе. — Хотя тут уже давно ничего не решить и не спасти. Сплошное лицемерие. — Она резко встряхивает темными волосами и марширует в гостиную, мимо Демида, высоко задрвав подбородок.

Демид смотрит ей вслед, потом он делает два шага назад, ко мне. Тяжелые, теплые ладони ложатся мне на плечи. Слишком твердо. Слишком близко. Я чувствую его дыхание на лбу — короткое, горячее.

Он заглядывает мне в глаза, ища что-то. Понимание? Повиновение? В его глазах — только решимость и усталость.

— Минерва, — его голос тише, но каждое слово он четко чеканит. — Это Екатерина Ивановна. Семейный медиатор. Я пригласил ее. Потому что сами... — он делает крошечную паузу, — сами мы слишком... эмоциональны. Не справляемся. Не можем держать себя в рамках. А нам сейчас критически важен взгляд со стороны. Не только юристов. Человека, который помогает парам... — он ищет слово, — с минимальными потерями пройти через развод.

Его ладони сжимают мои плечи на мгновение сильнее почти до боли, намекая, что он не потерпит возражений.

Он отворачивается, резко наклоняется, скидывает туфли. Бесшумно, нервно приглаживая ладонью непослушную прядь волос, он уходит в гостиную, к Сене:

— Ноги со стола убери, Сеня.

На крыльцо тяжело поднимается Игнат. Он закутан в кашубон так, что виден только кончик носа и сжатые губы. Громко топает ногами, входя в прихожую. Проходит мимо меня, бубня себе под нос, громко и нарочито:

— Не хочу я тут быть... Лучше бы с тетей Альбиной осталась... Там тихо... и никто не орет...

Я вздрагиваю. Горячая волна обиды, злости, бессилия подкатывает к горлу. Хочется закричать. Обернуться, схватить его за плечи, тряхнуть: "Я твоя мать! Не смей так говорить со мной!"

— Он провоцирует вас, Минерва Алексеевна, – говорит она тихо, но очень четко. – Совершенно очевидно. Поэтому я здесь. Чтобы сдерживать. Направлять. Чтобы эмоции не разрушили то немногое, что еще можно спасти рациональным диалогом.

Игнат шмыгает носом и скрывается в гостиной. Екатерина Ивановна, все так же бесшумно, на своих чулках, следует за ним, оставляя меня одну в прихожей.

— Вы все еще родные люди, — заявляет Екатерина Ивановна, — и Демид это понимает, но понимаете ли вы?

— Мы все заинтересованы в том, чтобы развод прошел с минимальными потерями для каждого из участников, — отстраненно заявляет Екатерина Ивановна.

Она сидит в том кресле, которое стоит ближе к дверям гостиной.

— И учитывая вашу беременность, — она смотрит на меня, — ситуация усложняется.

Я сижу в кресле напротив Екатерины Ивановны.

Демид с детьми на диване — он между Сеней и Игнатом. Чувствую себя какой-то отвергнутой отщепенкой.

У меня пальцы дрожат.

— Мина, — Демид переводит на меня взгляд. В нем только напряжение и ожидание моей истерики, — я понимаю, что я тебя сейчас раздражаю и нервирую.

Сеня фыркает:

— Да ее все раздражают...

Демид медленно выдыхает, справляясь со вспышкой гнева, а Екатерина Ивановна строго обращается к Сене:

— Есения, ты сейчас обижаешь маму.

Сеня закатывает глаза. Скрещивает руки на груди и откидывается на спинку дивана, а я почти не дышу.

— Ты должна выносить здорового малыша, — продолжает Демид. — Поэтому...

— Поэтому, — подхватывает Екатерина Ивановна, — со стороны мужа будут обеспечены ведение родов, врачи, анализы и сопутствующие расходы, но все рекомендации врачей, результаты обследований и итоги каждого приема с врачами будут дублироваться Демиду для контроля.

— Мы не будем с тобой лично пересекаться, — Демид не отводит от меня взгляда, — я решил, что так будет правильно...

— Или это решила моя сестра? — хмыкаю я.

Во мне поднимается волна раздражения и гнева.

— Это решение логичное, Мина, — Демид недобро щурится, — целесообразное, учитывая, что сейчас между нами происходит. Я заинтересован в том, чтобы ребенок был рожден, и я не хочу быть причиной выкидыша при очередной ссоре, когда я приду проведать тебя, а ты сорвешься в истерику и скандал.

Я сижу, сжимая подлокотники, пока Демид произносит эти слова. Логичное. Целесообразное. Каждое слово — как удар тупым ножом в сердце. Он прав, конечно. Ссоры сейчас опасны. Встречи будут вызывать во мне боль и тоску, но эта холодная, расчётливая правильность вымораживает душу.

— Мина, ты же со мной сейчас согласна, — Демид продолжает прожигать во мне взглядом дыру. — Наша задача сейчас — обеспечить тебе максимально спокойное вынашивание. Я не буду трепать тебе нервы лишними встречами. Мы даже наш развод оформим без личного присутствия...

— Вот как? — усмехаюсь я. — Все-то у тебя продумано.

— У вас есть возражения? — спрашивает Екатерина Ивановна.

— Может, мама не хочет с тобой разводиться? — хмыкает Игнат, но под его подростковой агрессией я опять слышу надежду, что развода не будет.

Что мы передумаем.

Что сейчас я что-нибудь придумаю, как сохранить нашу семью.

— Я могу не дать тебе развод, Демид, — отвечаю я, прищурившись на мужа.

— Можешь, — он соглашается, — но что это изменит?

Ничего не изменит, но Альбина понервничает. Она же ждала быстрого развода, а тут беременность и мое полное законное право притормозит бракоразводный процесс.

— У вас будет конструктив, Минерва? — Екатерина Ивановна напоминает о себе. — Что вам сейчас важнее? Свое с ребенком здоровье или дразги с мужем и сестрой?

— Я для тебя сейчас лишь инкубатор, за которым нужен контроль?

Демид сжимает переносицу и медленно ее массирует со словами:

— Это не контроль, Мина. Это — забота. Та забота, которая сейчас тебе нужна без лишних встрясок... Господи, Мина, — он вновь смотрит на меня, — попытайся меня хотя бы немного понять.

Я резко встаю и решительно шагаю прочь. Меня накрывает волна паники, и я могу сорваться на некрасивый крик, который подтвердит слова Демида, что я истеричка.

— И это я еще капризный подросток, — фыркает Сеня мне вслед.

Я останавливаюсь у дверей гостиной и упираюсь рукой о косяк. Смотрю перед собой и тяжело дышу.

— Девять месяцев тебя не будет в моей жизни, — я оглядываюсь на Демида, — а что потом?

— Нам бы хотя бы эти девять месяцев пережить, — он смотрит на меня исподлобья, — ты свыкнешься с мыслью о нашем ребенке, раны заживут, и мы, я надеюсь, сможем прийти к консенсусу, но ты должна родить этого ребенка, а я... сейчас для него угроза. И я это понимаю.

— Услышите своего мужа, — говорит Екатерина Ивановна, — постарайтесь подумать о беременности без привязки к эмоциям.

— Хорошо, — с вызовом прищуриваюсь на Демида, — я согласна на твои условия, но развод не готова тебе дать.

Его глаза темнеют. Челюсть напрягается.

— Что ты скажешь на это? — улыбаюсь через силу. — Что скажет на это Альбина?

Я зря ждала того, что Демид возмутится.

Наверное, я для него сейчас очень предсказуемая в жалкой попытке напугать тем, что не дам развод.

Он одергивает полы пиджака и откидывается назад на спинку дивана, не спуская с меня взгляда.

— Ты меня расстраиваешь тем, что сейчас думаешь прежде всего о том, чтобы напакостить Альбине, — он тяжело вздыхает, — но ты действительно в праве затянуть процесс с разводом. Ну, я повторяю, если в прошлый раз ты меня не услышала, Мина, — он пожимает плечами, — это ничего не изменит. Однако это твое полное право. Я его оспаривать не буду.

— Альбину это невероятно расстроит, — тихо проговариваю я, но меня начинает потряхивать в бессилии.

Действительно, чего я добьюсь тем, что затяну наш развод?

Что это жалкое отчаяние перед мужчиной, которому я не нужна? Надо мной сейчас можно только посмеяться.

Это и сделает Альбина.

Она посмеется. Я цепляюсь за Демиду, но... итог предreshен. Мы разведемся.

— Я обговорил с Альбиной вариант того, что ты затянешь процесс, — Демид отстраненно улыбается. — И опять ты об

Альбине, а о наших детях у тебя ни вопроса, — хмыкает. — Очень показательно, конечно...

— Демид, — Екатерина Ивановна коротко кашляет. — Тут я вас останавливаю.

— Согласен, опять накрыло, — он проводит ладонью по волосам. Закрывает глаза на несколько секунд и вновь смотрит на меня. — Мне сейчас сложно, Мина. Я хочу поступить сейчас настолько правильно, насколько это возможно...

— Правильно?! — я все же срываюсь на крик. — Ты хочешь услышать, что я думаю о наших детях?! Они — предатели! Такие как и ты! Вот пусть и живут с тобой! пусть тоже тут не появляются!

— Минерва, я вас прошу...

— А ты заткнись! — рявкаю я на Екатерину Ивановну.

Я резко замолкаю, когда вижу, что Сеня хмыкает и закатывает глаза. Она встает и шагает прочь, мимо меня:

— Ну, мне лично все ясно. Я подожду тебя, пап, в машине.

— Сеня, — я пытаюсь схватить ее за руку, но она агрессивно от меня отмахивается.

— Отвали! — отступает, в ярости оскалившись на меня.

— Я тебе не нужна. Я услышала достаточно!

— Есения, — Екатерина Ивановна встает, — мы с тобой говорили, что беседа будет сложная...

— Да она меня сейчас с Игнатом буквально послала! — Сеня вскидывает в мою сторону руку. — Не хочет меня видеть? Вот и не увидит! Наконец, — я насмешливо смотрит

на меня, — ты сказала то, что всегда думала...

— Это неправда... — хриплю я.

— Вечно я тебя раздражала, — Сеня кривит губы, — то громко разговариваю, то чавкаю, то одеваюсь не так, то... — она кричит на меня, — то дышу не так, да?! Вот что и требовалось доказать, мам! Ты рада избавиться от меня! Без отца мы тебе не нужны! Вот и торчи здесь одна!

Она выбегает из гостиной, а затем раздается хлопок входной двери. Демид тяжело встает и размашистым шагом следует за дочерью. Когда он проходит мимо меня, то косится с таким неодобрением, что у меня внутри обрывается — он согласен с нашей дочерью: я никудышная мать, которая рада отказаться от детей.

Вновь хлопает входная дверь и с улицы доносится обеспокоенный голос Демида:

— Сеня!

Игнат смотрит на меня как на врага. Смотрит и молчит.

— Эмоции мешают, — констатирует факт Екатерина Ивановна. — Сейчас возьмем паузу...

— Пошла прочь, — я разворачиваюсь к ней. — Пошла прочь, проплаченная ты гадина... Сколько он тебе заплатил, а?

— Папа сказал, что мы... — голос Игната тихий, разочарованный и обреченный, — чтобы мы с Сеней тебе очень нужны, но это неправда.

Я перевожу на него загнанный взгляд.

— Ты нам даже не позвонила, — он медленно встает с дивана. — Тебе было пофиг, что мы уехали...

— Это неправда...

— Игнат, маме сейчас сложно, — Екатерина Ивановна пытается успокоить моего сына.

— А нам легко, что ли?! — рывкает он, глядя на меня. — И мы тут дети, если что, а не ты, мама! Папа тебе даже няньку притащил сегодня! И что? Ты нас послала! И все это ради чего? Ради того, чтобы мы побесили тетю Альбину, да?

Он бьет меня под дых своим вопросом, ведь он прав. Я же злорадствовала тому, что Альбина обалдеет от жизни с двумя подростками и что они испортят ей романтику с моим мужем.

Своего-то она вырастила и выпустила во взрослую жизнь.

— Вот какая ты мама, — Игнат шмыгает, — ты нас используешь.

— Сеня, — говорю я, выдыхая облачко пара, — Игнат...

Желтые кленовые листья медленно кружатся в сыром осеннем воздухе и шуршат под ногами школьников.

Гвалт голосов, смех, визг тормозов родительских машин — всё это сливается в один гул.

Воздух плотный, влажный, пахнет мокрым асфальтом, опавшей листвой и сладковатой резиной от жвачек, что хрустят на зубах у проходящих мимо подростков.

И среди этого потока — они. Мои дети.

Сеня уверенно шагает, встряхивая чёлкой, закинув на плечо рюкзак с нашивками. Рядом, ссутулившись и засунув руки в карманы ветровки, бредёт Игнат. Они не смотрят по сторонам, их цель — парковка, где ждёт знакомая серая машина их отца.

Глоток воздуха, холодный и колючий, обжигает горло.

— Сеня! Игнат! — голос мой звучит хрипло, чуждо, тонет в общем шуме.

Сеня замирает на секунду. Плечи её вздрагивают. Она медленно, нехотя поворачивает голову.

Её взгляд, подведённый чёрным карандашом, скользит по мне — быстрый, холодный, оценивающий.

В нём нет ни капли тепла, лишь раздражение и усталое

презрение. Она передёргивает плечами и развернувшись, продолжает путь, только шаг её становится ещё твёрже и быстрее.

Она кладёт руку на плечо Игната, приобнимает его, будто защищая от меня, и они вместе заворачивают за угол, к парковке.

Во рту пересыхает, становится горько. Я чувствую себя полной дурой. Жалкой, никчёмной, брошенной бедной родственницей, которую все презирают и с которой брезгуют даже разговаривать. Но я делаю глубокий вдох, вжимаю ногти в ладони. Они — дети.

Это я должна быть взрослой. Я не имею права на обиду.

Я иду за ними, подбирая полы пальто, походка моя неуверенная, будто я на высоких каблуках по гололёду.

— Вы не отвечаете на мои звонки, — говорю я им в спины, и мой голос дрожит, но я заставляю его звучать громче. — Я волнуюсь. Мне... мне так стыдно за те слова. Давайте поговорим...

Они не оборачиваются. Не замедляют шаг. Наоборот, их спины напрягаются, и они почти бегут, ускоряясь, стараясь оторваться, скрыться от моего голоса, от моего присутствия.

И тут я замираю. Сердце замирает вместе со мной, пропуская удар, а потом заходится в бешеной, болезненной дробе.

Из машины Демида с водительского места выходит...

Альбина.

Мой мир сужается до этой картинки. До её аккуратной стрижки, до дорогого бежевого пальто, до насторожённого, напряжённого выражения на её лице. Она приехала. За моими детьми. В их школу. Как будто она уже их мать.

Альбина сначала сдержанно, но тепло улыбается Сене и Игнату:

— Подождите в машине. Я с вашей мамой переговорю.

Дети, покорные, кивают и направляются к автомобилю. Игнат даже бросает короткий, сердитый взгляд в мою сторону, прежде чем залезть на заднее сиденье.

И тогда Альбина поворачивается ко мне. Её улыбка исчезает, сменяясь маской делового, вежливого участия. Она делает несколько шагов навстречу. Я чувствую, как у меня трясутся руки, и я сжимаю их в кулаки, пряча в карманы.

— Что ты ту делаешь? — спрашиваю я.

— Приехала за Сеней и Игнатом, — пожимает плечами.

— Водитель сегодня заболел, — хмурится, — я рада, что... ты здесь...

Она хочет взять меня за руку, но я отступаю.

— Демид попросил меня самой к тебе не приезжать и не пытаться поговорить, — слабо и виновато улыбается, — чтобы тебе не нервировать... Мы все сейчас стараемся тебя не нервировать... Лишний раз не провоцировать на...

— На что? — хрипло спрашиваю. — Отойди немедленно. Я хочу поговорить с моими детьми! — последнее слова я

почти кричу.

— Мина, — Альбина заглядывает мне в глаза, — ты сама требовала, чтобы все тебя оставили в покое. Разве нет?

— Ты забрала моего мужа, — охаю, — теперь и детей хочешь забрать?

— Разве я могу кого-то забрать против силы? И это вопрос к тебе, почему дети ушли с отцом, — пожимает плечами, — вот у меня с моим сыном не случилось никаких конфликтов. Он меня понял и принял. И не переживай, — Альбина вздыхает, — твои дети в порядке, а тебе, — она указывает взглядом на мой живот и вновь смотрит на меня, — важно сейчас заботиться о себе и будущем малыше. Зачем ты сама себе устраиваешь нервотрепку?

Мне нечего ответить Альбине, потому что меня, правда, оставили в покое без лишних скандалов и претензий.

— Потом еще меня обвинишь, если что-то случится с твоим малышом, — хмурится, — или Сеню с Игнатом. Может, у тебя и был такой план?

Сегодня действует скидка на свежую подписку *"Бывший муж. Ты забыл, как любил меня"* <https://litnet.com/shrt/IOAU>

Я аккуратно ставлю последнюю фарфоровую тарелку в корзину посудомойки. Звонящий звук приглушается мягким шипением пара из чайника. Медленно, почти с нежностью, закрываю тяжелую металлическую крышку. Раздается глухой, удовлетворяющий щелчок — и тишина.

Разворачиваюсь, обтирая руки о полотенце, и замираю.

Мой Демид. Сидит за моим кухонным столом, в свете люстры под потолком. Искусственный теплый свет льется на него, как прожектор на главного героя. Он медленно пьет чай, его взгляд уткнулся куда-то в глубину кружки, лицо мрачное, задумчивое.

Тонкая серая футболка обтягивает его широкие плечи, подчеркивает рельеф мышц спины и груди. Такой сильный. Такой мужской. И такой... мой.

Наконец-то мой.

В груди распускается теплый, липкий цветок самодовольства. Я не могу сдержать легкую, счастливую улыбку. Он здесь. В моем доме. На моей кухне. Пьет мой чай. Дышит моим воздухом. Наш риск... он того стоило. Ради этого момента.

Он поднимает на меня взгляд. Карие глаза, обычно такие стальные, сейчас задумчивые, усталые.

— Что случилось? — тихо спрашивает он.

Голос у него низкий, с легкой хрипотцой после всего пережитого.

Делаю шаг к столу, опускаюсь на стул напротив. Тяжело вздыхаю, будто ношу на плечах груз всех мировых проблем.

— Меня вот что напрягает... — провожу указательным пальцем по прохладному, гладкому краю столешницы. Отвожу взгляд в сторону, в окно, где уже давно стемнело. — Эта ситуация с детьми. То, что они не хотят общаться с Ми-нервой.

Делаю паузу, смотрю на него. На его нахмуренный лоб, сжатые губы.

— Она же все-таки мать, Демид. И мне сегодня было ее так жаль. Она стояла одна посреди парковки, такая... потерянная. А Игнат и Сеня даже не поздоровались с ней. — Прикладываю руку к груди, где притворно сжалось мое «доброе» сердце. — У меня аж сердце сжалось.

Демид пожимает плечами. Отводит взгляд. Но я вижу, как его взгляд темнеет, становится жестче, суше. В зрачках вспыхивают знакомые искорки гнева. На нее.

Она продолжает его раздражать. Ее здесь нет, но она все равно его бесит.

— Она сама требовала, чтобы мы оставили ее в покое. Мы это сделали. Подчинились ее капризам. И опять мы все мерзавцы... Она утомила в своей нелогичности.

Внутри все ликует. Да, мой хороший. Злись на нее. Вспоминай ее истерики, ее крики. Забудь, какой матерью она бы-

ла раньше. Ты должен видеть только то, что сейчас.

— Я понимаю, — печально вздыхаю я, делая свое лицо мягким и сострадательным. — Просто... у нее сдали нервышки, понимаешь? Эта новость... она выбила почву из-под ее ног.

Демид хмурится, его пальцы сжимают ручку кружки крепче.

— К чему ты клонишь, Альбина?

Слабо и извиняюще улыбаюсь. Тянусь через стол, кладу свою руку поверх его сильной, теплой ладони. Заглядываю в его глаза, которые смотрят на меня теперь с легким раздражением и вопросом.

— Я хочу... я хочу поговорить с Сеней и Игнатом. Ты не будешь против? — произношу я тихо, почти шепотом, голосом полным заботы и беспокойства.

Он качает головой, отпивает еще глоток чая.

— Я не против. Я сам сейчас не в состоянии с ними говорить на эту тему. И быть терпеливым по отношению к Минерве — тем более.

Вот именно. Пусть отдыхает. Пусть копит силы для нашей новой жизни. А я... я все улажу.

Киваю, сжимаю его пальцы.

— Это очень тревожный звоночек, Демид, что дети вот так... решили уйти от мамы. Без оглядки.

И пусть он это запомнит. Пусть он видит, что его дети бегут от нее. Ко мне. Что я — островок стабильности и здра-

вомыслия в этом море ее истерик. Пусть он презирает ее не только как жену, но и как мать. Ведь он всегда ее уважал за это. Всегда ставил в пример.

А теперь?

Теперь есть только жалкая, нервная истеричка, которая орет на собственных детей и называет их предателями. а.

Демид вздыхает, отодвигает пустую кружку.

— Иди поговори с ними. Может, как тетя... убедишь, что Мине они сейчас тоже нужны.

— Постараюсь, — шепчу я, и моя улыбка наконец расцветает во всю ширь, когда я отворачиваюсь, чтобы унести его чашку.

О, я обязательно поговорю. И они точно будут знать, кто здесь их настоящая опора.

Я расставляю перед мамой и папой пустые чашки — те самые, с синими васильками, из сервиза, подаренного на прошлый юбилей.

Фарфор тихо и мелодично постукивает о дерево.

Внутри все сжалось в один тугой, болезненный комок. Они пришли не просто так. Я это знаю. Чувствую кожей.

— Мина... — тихо, осторожно окликает мама.

Ее голос — тихий и виноватый. Я вздрагиваю, и рука сама предательски дёргается. Горячая струя кипятка из носика чайника переливается через край моей чашки, обжигая пальцы, и растекается по столу тёмной горячей лужицей.

— Ой!

Я торопливо, почти швыряю чайник на подставку. Хватаю бумажные салфетки из стакана на столе, комкаю их, давя на влажную древесину. Промокаю, втираю, чувствуя, как жар от разлитого чая проступает сквозь тонкую бумагу. Запах крепкой заварки, горький и терпкий, бьёт в нос, смешиваясь с духами мамы — такими знакомыми, такими любимыми, а теперь удушающими и слишком сладкими

Поднимаю взгляд. Папа и мама сидят напротив, бледные. Папа сжимает свою чашку так, что костяшки пальцев белеют. Мама прижимает к губам дрожащие пальцы с идеальным розовым маникюром.

Тишина. Слышно, как за окном проезжает машина и где-то кричат дети.

Я не выдерживаю. Сдаюсь первой.

— Зачем вы пришли? — мой голос звучит тихо, хрипло, но прямо.

Они переглядываются. Быстро-быстро, как пойманные школьники. В их глазах — мука, вина, страх, но и какая-то непоколебимая, страшная решимость.

Мама слабо, натянуто улыбается. Ее улыбка — жалкая попытка сгладить углы.

— Миночка, ты же понимаешь... мы прежде всего родители. Мы — папа и мама. — Она делает паузу, глотает комок. — Мы не только твои родители. Мы и для Альбины... папа и мама.

У меня дёргается нижнее веко. Предательский тик, который всегда выдает моё напряжение. Я ничего не говорю. Просто смотрю на них, чувствуя, как лёд нарастает внутри, сковывая грудную клетку.

Я ждала этот разговор.

Подключается отец. Его голос глухой, без эмоций, будто зачитанный с листа.

— Утром звонила Альбина. Просила о встрече. Говорит, очень скучает. Что надо... всем нам как-то жить дальше.

— Мы согласны с ней, — перехватывает мама, её слова льются быстрее, словно она боится, что её перебьют. — Надо жить, Мина. Мы, родители, не можем просто взять и отка-

заться от одной из дочерей. Мы должны принять эту ситуацию. Какой бы сложной она ни была.

— К тому же, — папа отпивает глоток чая, будто вода может смыть горечь его слов, — наши внуки теперь живут с Альбиной. А мы по ним очень скучаем. Обрывать с ними общение мы не планируем. И не хотим.

Я могу ответить только одно. Тихо, почти шёпотом, отворачиваясь к окну, к тяжёлым складкам штор, за которыми — серый, безучастный мир.

— Вот как.

Сжимаю мокрые, размокшие салфетки в кулаке. Вода капает на колени, но мне всё равно.

— Я понимаю, тебе тяжело, — шепчет мама, и в её голосе прорывается настоящая боль. — Но всем нам надо это пережить. Игнорировать Альбину, делать вид, что её нет — мы ничего этим не решим. Мы любим и её, и тебя.

Отец тяжело вздыхает, и этот звук будто подводит черту.

— Поэтому мы и приехали. Сказать тебе с глазу на глаз. Что сегодня мы встречаемся с Альбиной. Возобновляем общение. И ты не должна нас винить, Мина. Она — тоже наш ребёнок.

Я смотрю на их лица — родные, любимые, такие знакомые до каждой морщинки. И вижу в них чужих людей.

— Да и на Сеню с Игнатом мы тогда сможем повлиять, — папа хмурится. — Они бунтуют, а мы сможем их вернуть тебе.

В душе вспыхивает слабая надежда, что мои родители смогут вразумить Сеню и Игната, что я все же мать. Что я... могу злиться, но это не отменяет моей любви к ним.

— Мы станем тем мостиком, который соединит твоих детей с тобой.

Я задумчиво смотрю в огромное панорамное окно кафе. За ним - детская площадка. Солнечные зайчики прыгают по яркому пластику горок и качелей. Двое малышей, мальчик и девочка, с визгом носятся по резиновому покрытию, их неразборчивые крики и смех доносятся до меня приглушенно.

Я пытаюсь нащупать внутри себя то самое чувство — трепетное, сладкое ожидание, которое распирало грудь, когда я ждала Сеню, а потом Игната.

Ту безоговорочную, животную любовь, которая возникала еще до их первого крика. Но внутри — лишь выжженная, холодная пустота. Как будто кто-то выскоблил меня изнутри большим железным совком.

Я делаю глоток лимонада. Он слишком сладкий и шипучий, иголки углекислоты больно колют язык и небо. Ледяная влага стекает по горлу, но не может прогнать внутренний жар стыда и обиды.

Напротив меня, подпирая кулачком пухлую щеку, сидит Алиса. Моя подруга. Ей, как и мне, сорок, но выглядит она моложе — пышные формы в ярко-синем трикотажном платье, короткое боб-каре цвета воронова крыла. И лицо куклы — большие, наивные голубые глаза, обрамленные густым частоколом нарощенных ресниц, и пухлые, ярко-алые губы,

подведенные карандашом. Она смотрит на меня с сочувствием, которое сегодня кажется каким-то... приторным.

— Ну, дела, — наконец тянет она, покачивая головой. От ее сережек-колец поблескивают солнечные искры. — Я не ожидала от Альбины такого фокуса. Всё-таки сестра. Кровная. Хмыкает. — Хотя, кто бы говорил, у меня двоюродная брата в прошлом году с бизнесом кинула.

Я отрываю взгляд от резвящихся детей и печально смотрю на нее. Запах ее духов — сладковатый, с душком груши и карамели — вдруг начинает казаться липким.

— И знаешь, что я тут подумала, Минка? — она вздыхает, и ее огромные глаза наполняются неподдельным, как мне раньше казалось, участием. — Мужчина захотел уйти — скатертью дорога. И он за эти месяцы... — она многозначительно прищуривается, — и это будет в твоих интересах. Возможно, за эти девять месяцев полной свободы он отстанет от тебя, отвалится, как клещ. Зачем ты цепляешься за него? Это так... жалко. Дай ты ему этот развод, а то... ты будто хочешь его обратно подобрать.

— Ты, правда, так думаешь? Отвалится?

Алиса тут же кивает, ее каре колышется от энергичного движения.

Я вздыхаю. Кончиками пальцев вожу по запотевшему стакану, оставляя на стекле влажные дорожки. Холодок щиплет кожу.

— Может быть, ты права, — тихо выдавливаю я, чувствуя,

как комок горькой слабости подкатывает к горлу.

В этот момент за окном, на парковке, резко и оглушительно взрывается сирена автомобильной сигнализации, которая заставляет меня вздрогнуть и чуть не расплескать лимонад.

Алиса резко вскакивает с места, с грохотом задевая ногой ножку стула.

— Ой! Это моя ласточка кричит! — восклицает она, хватая со стола связку ключей с брелоком-цветком. Она судорожно сжимает их в руке, встает на цыпочки и вытягивает шею, пытаясь разглядеть что-то на парковке. — Черт, неужели кто-то врезался в меня?! Или детишки разбили лобовуху?

Ее лицо искажается маской искренней паники. Она бросает на меня беглый, ничего не значащий взгляд.

— Сейчас, секундочку, разберусь!

И она бежит прочь от столика, ее каблуки быстро цокают по каменному полу. Я растерянно смотрю ей вслед, чувствуя себя брошенной и еще более одинокой посреди этого уютного, шумного кафе с запахом свежей выпечки и кофе.

Мой взгляд произвольно падает на стол. Рядом с чашкой капучино вибрирует и подпрыгивает телефон Алисы. Экран загорается, освещая крошки на столешнице.

Я не хочу смотреть. Я не собираюсь смотреть. Это неправильно.

Но взгляд сам цепляется за яркую подсветку. За имя над всплывающим сообщением.

И кровь во мне стынет.

На экране, кричаще-белым по синему фону, высвечивается имя: «Альбиночка».

А под ним — первая строка сообщения, которую я успеваю прочесть, прежде чем экран гаснет:

«Ты меня хотя бы держи в курсе, как там твой разговор с моей сестрой-дурочкой проходит?»

Я должна поговорить с Альбиной.

Мысль стучит в висках навязчивым, неумолимым ритмом, сливаясь со стуком дождевых капель по стеклу такси.

Я смотрю в замкнутое водой окно. Мир за ним расплывается в серо-желтых пятнах фонарей и мокрого асфальта.

Таксист на водительском сиденье мрачно постукивает толстым пальцем по баранке руля. Машина резко сворачивает в парковочный карман, к обочине.

— Приехали, — сиплый голос водителя разрывает тягучую тишину салона. — Там дальше дорога на ремонте.

Он оглядывается на меня, и я торопливо лезу в сумку. Пальцы скользят по гладкой коже кошелька, не слушаются. Ловлю несколько смятых мелких купюр, сую их в его протянутую, потрескавшуюся ладонь.

— Спасибо, — выдавливаю я и выхожу на улицу.

Резкий, холодный ветер бьет в лицо, забирается под полы плаща. Мне нужно пройти еще квартал. До того самого цветочного магазина, которым заведует моя сестра. Моя бывшая сестра. Альбина.

Я должна это сделать. Потому что так мне подсказывает чутье. Мой острый, женский инстинкт кричит внутри тревожной сиреной.

Альбина ведет свою тонкую, ядовитую игру. Она уже за-

брала моего мужа, подкупила моих детей, переманила на свою сторону моих родителей и даже мою подругу.

Если я не вмешаюсь сейчас, не попытаюсь вразумить ее, остановить это безумие — я проиграю окончательно. Останусь в полном, оглушающем одиночестве. Без мужа, без детей, без прошлого и будущего. Одна с лишним для всех ребенком под сердцем.

А потом обязательно случится что-то еще. Что добьет меня окончательно.

Ноги несут меня сами. Я нервно поправляю ветром сбитые волосы, заворачиваю за угол и замираю. Несколько капель мелкого дождя падает мне на ресницы.

Сердце на мгновение замирает вместе со мной.

Я застыла у шикарного витринного магазина с нижним бельем. Шелк, кружева, атлас. «La Perla».

А через десять метров под маленьким козырьком, спасающим от дождя, — они.

Две настороженные тени, слившиеся в одну. Альбина и Демид.

Они уже заметили меня. Их разговор обрывается на полуслове. Шесть глаз встретились, и в нем тут же запахло грозой, озоном и чем-то горьки. Остывающим гудроном.

Первым движется Демид. Он выходит вперед, как щит, заслоняя собой Альбину. Инстинктивно. Будто боится, что я сейчас кинусь на нее с кулаками, с криками на его любимку.

Я медленно, очень медленно делаю шаг. Потом другой.

Он в темных, идеально сидящих на его крепких бедрах брюках. В белой рубашке, дорогой, из тончайшего хлопка. Воротник расстегнут на две пуговицы, обнажая основание шеи, знакомый изгиб ключицы.

Рукава закатаны до локтей, открывая сильные, с проступающими венами предплечья. Он выглядит небрежно, но от этой небрежности веет такой уверенной, лощеной мужской силой, и мне физически больно. Таким я его любила. Таким он уходил от меня.

Больно. Дико, до тошноты больно. Я прикусываю внутреннюю сторону щеки до крови. Медный, терпкий вкус наполняет рот и немного отрезвляет. Я не покажу вида. Ни за что.

— Мина, — его голос низкий, без эмоций. Холодный, как этот холодный мелкий дождь. — Зачем ты тут?

Расстояние между нами сокращается до нескольких шагов. Я останавливаюсь.

— Мы же вроде договорились, — он продолжает, и в его глазах — лишь усталое раздражение. — Я не лезу в твою жизнь. Не беспокою. Не нервирую. А ты? Ты сама решила провоцировать всех на конфликты? В чем логика, Мина? Объясни мне. Я правда не понимаю.

К нему спешно подбегает Альбина, хватая его за рукав. Ее пальцы с идеальным маникюром впиваются в белую ткань.

— Деми, не надо, — шепчет она, и ее голос — шелко-

вый, предательски-заботливый. — Не ругай ее. Если она пришла... Может, она готова поговорить? По-хорошему?

Я перевожу взгляд на нее. На мою сестру. На ее аккуратную стрижку, уложенную волну за волной. На ее дорогое пальто цвета капучино. На ее глаза, огромные, наивные и кукольные.

Она вся — воплощение женского спокойствия спокойствия и той самой нежности, которая успокаивает даже разъяренных тигров.

— Я пришла поговорить с сестрой, — чеканю я каждый слог, и по щеке скатывается холодная капля дождя.

Привет! Жаловались, что разводы с изменами жутко надоели?

Вот я и принесла вам новинку. Приглашаю в мой эксперимент, который покажет, стоит ли отвлекаться на другие темы в женских романах и есть ли жизнь вне измен и разводов.

И поддержите книгу звездочками!

Босс и мать-одиночка в разводе

<https://litnet.com/shrt/CZou>

— Это моя бывшая жена Марго, — Герман Иванович улыбается роскошной высокой блондинке и с издевкой тянет ее имя на последней “о”.

— На ужин был приглашен только ты, Гера, — она щурится. — Без лишних прицепов...

— Милая, это не прицеп, — Герман Иванович смеется и рывком привлекает меня к себе и приобнимает за талию, — это моя любимая женщина.

— Это смешно... — фыркает Марго и уничижительно смеривает меня взглядом, а после кривит алые губы. — Да уж, Гера, потянуло тебя после королевы на... юродивых крестьянок...

Мне сорок пять. В анамнезе развод, трое детей и старая вредная собака, которая любит блевать мне в туфли.

Я не ждала от жизни ровным счетом ничего, но мой босс решил, что я должна сыграть на семейном ужине его новую женщину.

— Почему я? — спросила я

— В тебе нет ни красоты, ни молодости, ни выгоды. С тобой можно быть только по великой любви, а это точно выбесит мою бывшую жену, а мне нравится, когда она злится. Это меня заводит.

<https://litnet.com/shrt/CZou>

Альбина торопливо подходит ко мне, берет под руку — ее пальцы тонкие, холодные, с идеальным французским маникюром, сжимают мой локоть через ткань плаща с такой силой, что кажется, прощупывают кость.

— Давай не будем стоять под дождем, — ласково, почти по-матерински шепчет она, и от ее голоса меня передергивает. — Все-таки сейчас холодно, не хватало того, что ты еще и простыла. А ты даже зонтик с собой не взяла.

Она даже предпринимает попытку засмеяться, но замолкает под моим тяжелым взглядом.

За ее спиной Демид раздраженно вздыхает, его тень на мокром асфальте кажется огромной и угрожающей.

— Толк от этого разговора будет? — его голос низкий, ровный, без единой нотки тепла.

Альбина оглядывается на него через плечо, и на ее лице расцветает слабая, подобострастная улыбка.

— Не рычи, — ее голосок становится еще нежнее, вкрадчивее. — Это же моя сестра. И все еще твоя жена, — хмыкает

Она тянет меня за собой к двери цветочного бутика.

К горлу подкатывает новый, предательский комок тошноты. Так хочется резко дернуться, оттолкнуть ее, вырвать свою руку из ее цепких, стальных пальцев. Но я сжимаю зу-

бы до хруста. Агрессия сейчас будет выглядеть глупо. Ведь это я сама пришла сюда. Я сама этого хотела.

Демид, помрачнев, как грозовая туча, тяжелой поступью следует за нами в нескольких шагах. Я чувствую его взгляд у себя в спине — колющий, неодобрительный.

Альбина подводит меня к невысокому крыльцу, выложенному грубой фактурной плиткой.

Тошнота, которая все это время клочкотала где-то глубоко внутри, подкатывает уже к самому корню языка. Горькая, едкая волна. Я больше не могу. Сдерживаться нет никаких сил.

Я резко разворачиваюсь к Альбине, мое тело выгибается судорожным спазмом. И меня выворачивает. Прямо на нее. На ее ослепительно-белую блузку из тончайшего шелка, на дорогое кашемировое пальто цвета капучино.

Теплая, полупереваренная масса с отвратительным кислым запахом разбрызгивается по безупречной ткани.

— Ай! — Альбина вскрикивает, отскакивая, но уже поздно.

Она смотрит на свое испорченное пальто с ужасом и омерзением.

Я прижимаю ко рту тыльную сторону ладони, чувствуя, как слюна тянется неприятными нитями. Голос у меня сиплый, сдавленный:

— Извини... У меня всегда такой страшный токсикоз при беременности. Я уже забыла, как оно бывает.

Альбина замирает. Ее глаза — огромные, сначала шокированные, потом в них вспыхивает чистейшая, нефiltroванная ярость. Я вижу, как ее пальцы сжимаются в кулаки, как напрягаются крылья носа. Она смотрит на Демида, который замер на второй ступеньке, потом на меня. Она хочет выругаться. Я знаю. Она хочет кричать, орать матом, царапаться.

Но она видит его взгляд. И игра должна продолжаться.

На ее лице появляется жалкое, натянутое подобие улыбки. Она снова хватается меня под руку, ее пальцы впиваются в мое плечо с такой силой, что я чуть не вскрикиваю от боли.

— Да, конечно, я все понимаю, — она шипит сквозь оскал, который должен сойти за утешение. — Пойдем, пойдем. Ничего страшного. Сейчас я все салфетками уберу.

Я делаю слабое, немощное движение, притворно всматриваюсь в ее глаза, полные бешенства.

— Я не хотела... Я не специально, Альбина. Токсикоз.

Она кивает, слишком быстро, слишком нервно.

Ее глаза говорят совсем о другом. Она знает, что я специально.

Она торопливо заводит меня в цветочный салон, и тут же на нас обрушивается волна теплого, густого воздуха, пахнущего тысячей цветов, землей, удобрениями и сладкой химией освежителя.

— Девочки! — ее голос резкий, властный, он вибрирует в воздухе истеричной ноткой. Она срывает с себя испачканное

пальто и швыряет его в руки подскочившей продавщицы — юной, испуганной девушки в зеленом фартуке. — Возьмите мое пальто и немедленно отнесите в химчистку! И салфеток! Быстрее!

Она толкает меня — мягко, но настойчиво — вглубь зала, подальше от глаз Демида и входящих покупателей.

— Подожди меня здесь, пожалуйста, — говорит она, и ее улыбка похожа на оскал. — Я сейчас схожу в уборную, приведу себя в порядок.

Она оборачивается к Демиду, который теперь стоит в дверях, загораживая собой весь свет с улицы. Его лицо непроницаемо.

— Ты pomoжeшь мне? — ее голосок снова становится тонким и беспомощным.

Он молча кивает, его взгляд скользит по мне с ледяным безразличием, а после он вновь смотрит на Альбину, и его лицо немного, но смягчается.

— В машине есть моя футболка. Сейчас принесу.

Жду.

Сажу в её кресле, мягком и уютном из плюшевой обивки, и стараюсь дышать ровно.

Кабинет Альбины — небольшой, светлый, даже в этот пасмурный день. Окно выходит на южную сторону, в тихие жилые дворы, засыпанные жёлтыми кленовыми листьями.

Стены покрашены в приятный, умиротворяющий цвет «пыльная роза». Повсюду керамические горшки с фиалками и традесканцией на подоконнике, мягкий плед, брошенный на второе кресло.

Всё очень женственное, милое, продуманное до мелочей. Уютное гнёздышко.

Альбина всегда умела создавать вокруг себя вот такой уют, который располагал к тому, чтобы расслабиться, довериться, потерять бдительность.

И сейчас до меня доходит с ледяной ясностью: это относится не только к интерьеру её кабинета, её квартиры или магазина.

Это была её жизненная стратегия. И отношения с людьми она строила по такому же принципу. Они всегда были милые, тёплые, обволакивающие коммуникации, и человек рядом с Альбиной расслабляется, теряет подозрительность, тонет в всепоглощающем доверии и слепой привязанности.

Тихий щелчок ручки, скрип дерева. Дверь открывается.

Входит Альбина. И моё сердце останавливается, а потом сжимается в комок такой лютой, адской ревности, что в глазах темнеет.

На ней — серая футболка Демида. Максимально простая, без каких-либо принтов, из мягкого, немногого поношенного хлопка. На её хрупкой фигуре она сидит мешковато, спускаясь с одного плеча, обнажая ключицу. Смотрится это... трогательно. Очаровательно. По-домашнему.

А я-то знаю, какие эти футболки на ощупь. Знаю их запах. Раньше я сама носила их дома по вечерам.

Они всегда были мягкими и всегда-всегда пахли его терпким, древесным парфюмом с лёгкими нотами кардамона.

Я помню те моменты: подхватываю двумя пальцами воротник, подношу к носу, закрываю глаза и глубоко вдыхаю. Этот запах был синонимом дома, безопасности, любви.

А теперь в его футболке — она. Моя сестра. Это больно, и она это знает.

Альбина слабо улыбается, делая шаг вперёд.

— Еле уговорила Демида нас оставить. Сидит в машине, как на иголках, букой насупился.

Она проходит ко второму креслу, что стоит у стены, и опускается в него рядом со мной. Придвигается близко-близко. Её колени почти касаются моих. Она заглядывает

мне в лицо, и её улыбка становится дрожащей.

— Я так рада, что ты решила прийти и поговорить. Правда-правда.

Она хмурится, и её голос срывается на шёпот, на грани дрожи.

— Ведь я по тебе очень сильно скучала, сестрёнка.

Что-то жалкое и разбитое во мне на мгновение верит этому тону, этим влажным, искренним глазам. Но я вспоминаю, что она увела у меня любимого мужа.

Я закрываю глаза, чувствуя, как пальцы сами сжимают подлокотники кресла до хруста в суставах. Дышу. Выдыхаю.

— Аля, я тебя очень прошу... будь хотя бы сейчас со мной честной.

Открываю глаза и смотрю на неё прямо. В лицо. Без дрожи, без слёз. Пусто.

— Демида сейчас рядом нет. Тебе не надо перед ним играть милую и хорошую женщину. Можешь говорить как есть.

Альбина округляет глаза. Её брови ползут вверх, изображая наивное недоумение. Она качает головой, и с её губ срывается тихий, укоряющий шёпот:

— Как ты можешь так говорить? Я ведь правду говорю. Я по тебе соскучилась. Я тебя люблю.

Она накрывает свою ладонь моей. Её пальцы — холодные, тонкие, с идеальным французским маникюром. А мои — ледяные, одеревеневшие.

Я не отвожу взгляда. Не моргаю.

— Мне не нужна милая, лживая Альбина. Мне сейчас нужна женщина, которая всё же заинтересована в том, чтобы Демид остался рядом с ней. И чтобы Демид полностью принадлежал ей.

Вижу, как по её лицу пробегает тень. Как вздрагивает нижняя губа. Как взгляд, ещё секунду назад полный «искренней» тоски, становится твёрже, холоднее, прищуренным. Она медленно, очень медленно убирает свою руку с моей. Распрямляет плечи. Её поза меняется — из жертвенной и скорбной она становится собранной, почти царственной. Она клонит голову набок, и в уголке её губ играет едва заметная усмешка.

— Хорошо, — тихо говорит она. Её голос теперь без дрожи. Чёткий, ровный, стальной. — Хочешь честности? Пожалуйста. Я очень заинтересована в том, чтобы твой муж стал моим. Полностью. Без остатка.

Слабая, кривая улыбка сама появляется на моих губах.
Горькая.

— Вот это уже другое дело.

Я подаюсь в сторону Альбины, чувствуя, как плюшевая обивка кресла цепляется за шелк моей блузки.

Прищуриваюсь, втягиваю воздух — он густой, цветочный, с горьковатой ноткой удобрений и ее духов.

— Ты сейчас устраиваешь тихую войну против меня, — тихо выдавливаю я, и мой голос звучит чужим, хриплым шепотом. — Забираешь себе моих детей, но ты же должна понимать... они могут тебе очень попортить жизнь в ближайшем будущем... Могут попортить вашу «любовь» с моим мужем, и ты через несколько месяцев взвоешь и пожалеешь, что вообще полезла к Демиду. Я своих деток знаю, но Демид... всегда встает на их сторону. Такая у него жизненная позиция.

Я усмехаюсь, и звук выходит сухим и коротким.

— Такой он. Он всегда был хорошим отцом, который должен всегда выбирать детей.

Деловито откидываюсь назад, не моргнув, впиваюсь в нее взглядом. Она вздыхает, и я слышу в этом вздохе — согласие.

Признание. Игнат с Сеней явно уже начали показывать ей свой характер и трепать ей нервы.

Все-таки они — подростки, и в период семейных катаклизмов их истерики и капризы обостряются.

И я, как женщина, понимаю: никому не нужны чужие дети. Именно на этом я и решила сыграть.

Альбина немного прищуривается, ее пальцы с идеальным маникюром барабанят по ручке кресла.

— Мина, я не совсем понимаю, к чему ты ведешь. Что ты предлагаешь?

Я закидываю ногу на ногу. Медленно расплываюсь в улыбке.

— Мы сейчас, Альбина, должны все же играть с тобой в одной команде.

За язвительностью я прячу свою ревность и тоску по мужу, пытаюсь быть рациональной, искать хоть какой-то выход из этой ямы, в которую меня швырнул Демид.

Делаю глубокий вдох. Выдох. Воздух обжигает легкие.

— Я хочу вернуть моих детей. А они мешают тебе жить. Я хочу избавиться от мужа, но не от детей. Мы должны... — сглатываю ком, не давая слезам подступить к горлу. — Мы должны сейчас с тобой разыграть партию идеально. А иначе... А иначе не видать тебе счастливой, уютной и милой семейной жизни с моим мужем. Наши ангелочки вашу любовь подпортят.

Альбина в ответ лишь прищуривается еще сильнее, ее взгляд становится острым, оценивающим. Она ждет продолжения.

— Если ты умудрилась увести из семьи моего принципиального, честного и семейного мужа, который всегда был

против разводов... то ты будешь в силах медленно, но верно вернуть моих детей мне под крылышко. Сейчас, я знаю, ты работаешь против меня. Ты им вкладываешь в голову, какая я истеричка, какая я мать-ехидна и как им хорошо рядом с тобой, — делаю паузу, — направь свой талант промывки мозгов на то, чтобы мои дети поняли, что они хотят быть с мамой и что отец им не нужен. А не с вами. Ты должна справиться.

— Да ты что, — хмыкает она, но в ее самодовольстве уже проскальзывает трещина.

— Да, — отрезаю я. — Ты еще та манипуляторша. Я признаю, что сейчас только от тебя зависит, вернутся ли ко мне мои дети или нет. Ты можешь продолжать засирать мозги Демиду, убеждать его в том, какая ты милая, добрая и хорошая женщина., но мои дети должны быть со мной.

Альбина молчит. Ее взгляд блуждает по комнате, по нежным фиалкам на подоконнике, будто ища ответа в их бархатных листьях. Она обдумывает. Взвешивает. Я вижу, как работают ее мозги, просчитывая выгоду.

И я достаю свой последний козырь. Тот, что жгла мне карман все это время.

— Я дам Демиду развод.

Она замирает. Ее глаза расширяются, в них вспыхивает неподдельный, жадный интерес. Я смотрю на нее, не моргая.

— Дам спокойный развод и вы сможете устроить свою новую сладкую жизнь. Без меня. Без Сени. Без Игната... — я

делаю паузу, давая словам достичь цели. — И без нового ребенка.

Я накрываю рукой живот, который скоро станет круглым. Встаю. Мышцы ног дрожат от напряжения, но я выпрямляюсь во весь рост. Улыбаюсь шире, оскиливаюсь почти по-волчьи.

— Подумай об этом. Вместе мы бы могли устроить все так, что ты была бы счастлива в новом браке. А я... бы с детьми вам не мешала.

Не жду ответа. Не могу ждать. Разворачиваюсь и неторопливой, уверенной походкой. Стараюсь, чтобы каждое движение дышало самоуверенностью и решением. На спине я чувствую ее взгляд — изучающий, колющий, переполненный ненавистью и любопытством.

Выскальзываю в полумрак коридора. Прислоняюсь спиной к прохладной стене, закрыв глаза. Делаю глубокий, прерывистый вдох. Выдох. Сердце колотится, как сумасшедшее. Приглаживаю дрожащими пальцами непослушные пряди волос.

Плыву мимо стеллажей с цветами. Яркие пятна орхидей, роз, гербер расплываются в глазах в одно кислотное пятно.

Выхожу на крыльцо. Воздух чистый, промытый дождем. Он пахнет мокрым асфальтом, влажной землей и сладковатой прелой листвой. Дождь закончился, и сквозь рваные облака пробиваются лучи низкого осеннего солнца. Они золотят края туч и отражаются в лужах на плитке, превращая их

в слепящие, расплавленные зеркала.

Стою несколько минут, вдыхая этот свежий, холодный воздух, пытаюсь унять дрожь в коленях. Смотрю на черную машину Демида. Он сидит внутри, я вижу лишь его темный силуэт за рулем.

И вот он — движение. Дверца со стороны водителя резко распахивается. Демид выходит. Захлопывает ее с таким громким, оглушительным хлопком, что вздрагивают голуби у парковки взлетают.

Демид обходит машину, его лицо мрачное. В руке он сжимает свой смартфон.

Останавливается в нескольких шагах от меня, посреди мелкой лужи, в которой пляшут солнечные зайчики.

Его тень длинная и угрожающая. Он не говорит ни слова. Просто протягивает руку со смартфоном. Большой палец тыкается в экран.

И из динамика, тихо, но с леденящей душу четкостью, доносится мой же собственный голос, ядовитый и шипящий:

«...направь свой талант промывки мозгов на то, чтобы мои дети поняли, что они хотят быть с мамой и что отец им не нужен...»

Я горько хмыкаю, и звук выходит сухим и презрительным. В горле першит от сдержанных слез.

— Я должна была догадаться, — выдавливаю я, и мой голос звучит чужим, сорванным шепотом. — Что моя сестра запишет наш приватный разговор и, конечно же, сольёт его тебе. Это же так на неё похоже. Ударить в спину и притвориться невинной овечкой.

Демид тяжело вздыхает. Он прячет телефон в карман своих дорогих, идеально отглаженных брюк. Ткань натягивается на бедре, подчеркивая его крепкое мускулистое бедро.

Он делает два шага ко мне, сокращая дистанцию до нуля. Я чувствую исходящее от него тепло и запах — дорогой сандаловый одеколон, смешанный с горьковатым дымом. Мой желудок сжимается.

— Поговорила с Альбиной, — тихо заявляет он, и его голос низкий, без раскочки и повышений. — Теперь поговоришь со мной. Раз уж ты тут.

Его пальцы — теплые, твердые, уверенные — обхватывают мою руку выше локтя.

Прикосновение не грубое, но не допускающее возражений. Мягко, но неумолимо он разворачивает меня и ведет к машине, слегка подталкивая вперёд. Мои ноги плетутся ав-

томатически, ватные, непослушные.

Я оглядываюсь через плечо.

За огромным, чистым стеклом витрины, в раме из стеблей и листьев, стоит тень Альбины. Она держит в руках веточку красной орхидеи.

Этот образ — она в его футболке, с яркими цветами в руках — врезается в память и мозг чёткой и болезненной картинкой.

Я не смотрю под ноги. Туфля на каблуке срывается с бордюра и с глухим шлепком погружается в ледяную воду глубокой лужи. Ледяная влага мгновенно заливается внутрь, обжигая кожу холодом.

Я ойкаю и торопливо, нелепо перескакиваю на сухой асфальт, чувствуя, как мокрый носок противно прилипает к стельке.

И с грустью вспоминаю, как раньше Демид, смеясь, подхватывал меня на руки перед такими лужами и переносил на другую сторону, прижимая к своей груди. Сильный и мой.

Теперь чужой.

Сейчас он даже не заметил. Он просто ведет меня дальше, к своей черной, отполированной до зеркального блеска машине.

Он распахивает передо мной тяжелую заднюю дверцу и вновь коротко, требовательно подталкивает меня в сторону салона.

Я спотыкаюсь, сердито вскидываю на него взгляд. Глаза

застилают предательские слезы.

— Ты ещё и силком меня возьмёшь и затолкаешь в эту машину? — голос мой дрожит от унижения и злости.

Демид неожиданно резко подаётся ко мне, наклоняется. Его лицо так близко, что я вижу мельчайшие морщинки у глаз, тень щетины на щеках, холодную решимость в карих глазах, которые теперь смотрят на меня без капли тепла.

— Если понадобится, — он зло, сквозь сжатые зубы, шипит так, что мне становится по-настоящему страшно, — то свяжу и затолкаю. Мина, я сейчас очень зол.

От этой внезапной, чужой агрессии, которой раньше в нём не было никогда, во рту пересыхает.

Я спешно, почти падая, юркаю в прохладный, пахнущий кожей и его одеколоном салон. Плюхаюсь на упругое сиденье.

Демид обходит машину сзади. Его тень скользит по крыше.

Другая дверца распахивается, он грузно опускается рядом со мной. Громкий, оглушительный хлопок — он с силой захлопывает дверь, от которого вздрагиваю я и, кажется, вся машина.

Давящая тишина. Он откидывается на спинку сиденья, закидывает голову назад и закрывает глаза.

Широкой ладонью, сильными пальцами он медленно, с нажимом массирует переносицу. Я слышу его тяжелое, ровное дыхание. Вижу, как напряжены мышцы его шеи под во-

ротником рубашки.

Наконец он медленно выдыхает, открывает глаза и поворачивает ко мне голову. Взгляд его пристальный, усталый, полный недоумения.

— Я тебя, Минерва, не понимаю, — говорит он тихо. — Ты требуешь, чтобы все от тебя отстало. Чтобы тебя никто не тревожил. Чтобы тебе никто не надоедал с разговорами, со встречами...

Он отрывает руку от лица и поворачивается ко мне всем корпусом. Его колено почти касается моего.

— Но сама ты, — он делает паузу, и в его голосе прорывается хриплая, сдержанная ярость, — сама ты прямо лезешь и лезешь. Лезешь то к детям, лезешь к Альбине теперь. Ты ведь так хотела спокойствия и одиночества.

Он разводит руками, жест резкий, раздраженный.

— Мы тебе обеспечили это спокойствие! Тебя никто не трогает, никто не тревожит, никто не нервирует, никто не просит поговорить! Мы сделали все, как ты просила! Но ты опять недовольна? Тебе этого мало?

Он подаётся в мою сторону, его лицо снова так близко. Его дыхание, пахнущее кофе и горечью, обжигает мою кожу.

— Минерва, — он делает короткую, напряжённую паузу, и его голос срывается на тихий, яростный шепот. — Тебе не с Альбиной сейчас надо разговаривать о том, чтобы она поспособствовала тому, чтобы я потерял моих детей...

Он трясется от ярости. Я вижу, как дрожит его сжатая в

кулак рука, лежащая на колене.

— ...а со мной. Со мной, — он почти кричит эти слова, но тут же с силой заставляет себя понизить голос. — И будь добра объяснить чётко, чего ты **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** хочешь.

Мне одновременно жарко и холодно. По спине бегут мурашки, а ладони леденеют. Нарастает знакомая, подлая тошнота, в висках стучит, в конечностях — слабость. Я чувствую, как к горлу вновь подкатывает ком слёз, а глаза начинают болеть и щипать.

Я отчаянно моргаю, пытаюсь сдержать их.

Демид замечает блеск слез на моих ресницах. Его взгляд на мгновение смягчается, в нем мелькает что-то знакомое — усталость, может быть, даже капля жалости.

Он отворачивается от меня, снова накрывает лоб рукой и делает глубокий, шумный вдох, потом такой же выдох. Будто пытается сдержать бурю внутри себя.

А после вновь разворачивается ко мне. Его голос теперь тише, глуше, но от этого не менее напряженный.

— Минерва, — он переходит на шепот, и этот шепот звучит страшнее любого крика. — Я тебя очень прошу. Давай мы с тобой все же сейчас придём хоть к какому-то разговору. Я тебя, правда, не понимаю.

И я понимаю, что сейчас буду кричать и плакать.

Я больше не могу держать это в себе. Мой материнский страх остаться без детей и быть ими отвергнутой вырывается наружу тихим, надтреснутым признанием.

— Я боюсь их потерять, — выдыхаю я шепот, — Боюсь, что Сеня и Игнат... что они откажутся от меня. И вы с Альбиной будете этому рады.

Горячий ком подкатывает к горлу, сдавливая его, и я не могу сдержать громкий, надрывный вскрик. От него вздрагивают мои плечи, и я судорожно прикрываю губы дрожащей ладонью.

А по щекам уже текут слезы — обжигающие, соленые, быстрые. Они капают на кожу рук, на темную ткань моего плаща, оставляя мокрые пятна.

Демид замирает. Я вижу, как напрягается его профиль, как резко сжимается его челюсть.

Но это не напряжение гнева, не раздражение. Это что-то другое. Он медленно поворачивается ко мне, и в его карих глазах, таких знакомых и таких чужих, я вижу не злость, а тревогу.

Острую, мгновенную встревоженность. Будто он сквозь завесу своей усталости и злости вдруг увидел не назойливую бывшую жену, а... близкого человека. Того, за кого он все еще невольно беспокоится.

И его голос, когда он заговорил, тихий и хриплый, полон горького недоумения:

— Но ты и сама хочешь, чтобы я остался без моих детей. И ради этого ты готова идти на какие-то безумные, нелепые игры и манипуляции.

— Я не знаю, как быть! — вскрикиваю я в отчаянии и отчаянно, слабо толкаю его в грудь. — Я не знаю, как быть сейчас с тобой и с Альбиной!

Слезы текут ручьем, размывая мир в мокрое марево. Мой шепот срывается, превращаясь в крик, отчаянный и горловой:

— Ты! Ты мне сделал больно! Ты меня уничтожил! Ты ушел к моей сестре! Я... я после этой новости умерла!

Я вновь толкаю его в грудь, вглядываясь сквозь мутную пелену в его темные, растерянные глаза.

— Поэтому... поэтому я хочу сделать тебе точно так же больно! Но пока у меня выходит, что только мне больно и страшно! Я не хочу тебе счастья с Альбиной! Я не хочу, чтобы ты с Альбиной воспитывал наших детей! Неужели ты этого не понимаешь? Они — мои дети!

Я бью кулаками по его груди, по плечам, по всему, до чего могу дотянуться. Удары глухие, бессильные, отскакивающие от его непробиваемой уверенности.

— Мои! Я их рожала!

— Минерва, — тихо, почти сдавленно говорит он, пытаюсь успокоить, поймать мои запястья.

Но я вырываюсь, я не могу остановиться. Мой крик гулками, оглушительными ударами бьется о стекла машины, окочаную обивку потолка.

— Я останусь одна! Вот чего ты хочешь? Чтобы я осталась в итоге одна, без тебя, без детей?!

Его пальцы — теплые, твердые, сильные — наконец перехватывают мои запястья. Он сжимает их — не больно, но так крепко, что любое движение становится невозможным. Рывком он притягивает меня к себе и обнимает.

Обнимает так крепко, что из моей груди вырывается весь воздух, весь крик, все отчаяние. Я замираю, прижатая к его груди. Чую знакомый, сводящий с ума запах — сандала, кожи, его кожи, немного кофе.

Слышу гулкое, частое биение его сердца под ухом.

— Успокойся, Минерва, успокойся, — тихо говорит он прямо над моим ухом.

Он начинает медленно, почти незаметно раскачиваться из стороны в сторону, как когда-то качал заплакавшую Сеню. Его дыхание ровное, глубокое.

— Я не хочу, чтобы ты осталась одна. Но и сам я не хочу остаться без детей. Неужели ты не понимаешь? Я люблю Есению и Игната. Они — мои дети, и я от них не отказывался. А ты... ты упрямо хочешь убрать меня из их жизни. Я

тоже боюсь... боюсь, что рядом с тобой... что ты... начнешь их науськивать против меня...

Он замолкает, и тишину нарушает только мое прерывистое, всхлипывающее дыхание и тихий скрип кожи сиденья.

— И если ты не знаешь, как быть, — продолжает он, и его голос звучит устало, но без прежней стальной непримиримости, — то позволь мне определить нашу дальнейшую жизнь после этого развода. Почему бы тебе сейчас не довериться мне?

Я рывком отстраняюсь от его груди, поднимаю на него взгляд. Лицо мое распухшее, мокрое от слез, губы дрожат.

— Довериться? — горько выдыхаю я. — После того как ты мне изменял и ушел к моей сестре?

Демид хмурится, его пальцы слегка ослабляют хватку на моих запястьях, но не отпускают совсем.

— Я тебе не изменял. Я не тащил в нашу постель грязь и обман. Но с тобой мне стало, правда, находиться тяжело. Настолько тяжело, что я бы мог тебя возненавидеть. Неужели ты этого хотела?

— А сейчас ты меня разве не ненавидишь? — спрашиваю я, и голос мой звучит сипло и беспомощно.

Он качает головой, и в его глазах я наконец вижу не отчуждение, а тяжелое, выстраданное понимание.

— Нет. Я до сих пор вижу в тебе мать моих детей. И до сих пор понимаю, что тебе больно. И поэтому я... эти месяцы иду на поводу твоих капризов. Не вмешиваюсь в твою жизнь. Стараюсь сделать все, как ты просила. Но опять все не так, как должно быть.

— Я не знаю, как должно быть, — честно признаюсь я, упираясь сжатыми кулаками в его мускулистую грудь. Голова кружится от слез, от его близости, от этого внезапного перемирия. — Но если знаешь ты... — я горько усмехаюсь, — ну что ж. Я доверюсь тебе.

Я отвожу взгляд в сторону, в окно, где на мокром асфальте играют последние солнечные зайчики.

— И начну я... начну с того, что я тебе все же дам развод. Хватит за тебя цепляться. Хватит верить в то, что я так смогу отомстить Альбине.

В машине воцаряется гулкое, оглушительное молчание. Демид замирает, будто не веря своим ушам. Его пальцы окончательно разжимают мои запястья. Я отшатываюсь от него, вытираю слезы на щеках тыльной стороной ладони — грубо, почти с яростью.

А после прижимаю сжатый кулак ко лбу и шепчу:

— Если ты не совсем подонок... то ты... все же вернешь мне моих детей.

Я устало поднимаю на него взгляд. В моих глазах — пу-

стота и смиренная, страшная покорность.

Я признаю свое поражение, и Демид это понимает, но... он не рад. Я вижу по его глазам, что в его душе сейчас нет радости.

— И я уже согласна на совместную опеку. Пусть хотя бы половину времени... они находятся со мной.

Демид медленно кивает. Он отводит взгляд, поправляет пальцами воротник своей белой рубашки, смотрит куда-то вперед, на руль, на темнеющий за лобовым стеклом вечер.

— Хорошо, — тихо говорит он. — Я переговорю с детьми. Постараюсь повлиять на них. Напомнить им, кто их мама.

Он поворачивает ко мне лицо, и в его взгляде я вижу тень того мужчины, которого когда-то любила. Того, кто мог быть справедливым. Того, кто любил своих детей.

— В моих планах нет цели заменить тебя для них Альбиной. Никогда и не было.

Я мечусь по гостиной, как тигрица в клетке.

Подошвы моих домашних тапочек тихо шуршат по ковру. Внутри у меня все клокочет от ярости и ревности.

Я не замечаю, как подношу ко рту руку и с остервенением впиваюсь зубами в ноготь указательного пальца.

Резкая, щемящая боль пронзает кожу, и я с отвращением отдергиваю руку. На бледной, идеально ухоженной коже — красная капелька крови. Я смотрю на нее с ненавистью. Проклятие.

я оторвала заусенец. Вредная привычка возвращается.

Демид уехал к Минерве. За бумагами с ее подписью. С ее согласием на развод.

— Ты прямо вся на иголках, — лениво вздыхает Алиса, которая пришла меня поддержать сегодня. — Что произошло?

Я резко разворачиваюсь к Алисе.

Она развалилась на моем кремовом диване, словно домашняя кошка, и лениво листает глянцевый журнал. Ее равнодушие бесит меня еще сильнее.

— Что произошло? — срываюсь я на крик, и мой голос звучит визгливо, немзыкально. — Демид поехал к моей сестре! За документами на развод!

Алиса медленно, с преувеличенным безразличием подни-

мает на меня взгляд. Ее идеально подведенные черные глаза смотрят пусто.

— Это же хорошо, — она слабо улыбается, отчего ее кукольное лицо кажется еще более невыразительным. — Они наконец разведутся. И ты наконец-таки сможешь затащить Демиду под венец. Тебя стоит поздравить.

Она не понимает. Она абсолютно ничего не понимает! Ее глупость и поверхностность вдруг предстают передо мной во всей своей убогой красе.

— Ты не понимаешь! — я топаю ногой. — Они вообще не должны были контактировать! В этом был весь смысл! Демид — со мной. Ее дети — со мной. А она — одна. Никому не нужная, жалкая, сломленная! А теперь... теперь она сама зовет его! Сама вручает ему эти бумаги! И он... он обрадовался! Он сказал, что рад, что она наконец готова жить дальше и что больше не видит в нем не врага!

Я задыхаюсь.

Воздух не попадает в легкие. Комната плывет перед глазами. Она что-то задумала.

Я знаю свою сестру.

Всю жизнь я играла на ее несдержанности, на ее нервозности, на ее вспыльчивости. На ее фоне я всегда была ангелом. Милой, доброй, всепонимающей Альбиной, которая всех примет и обо всех позаботится.

А теперь... теперь Минерва принимает правила, установленные Демидом. Соглашается. Доверяется. Эта покорность,

эта внезапная разумность... Это плохо. Это очень плохо.

Его может потянуть обратно. В нем всегда была эта дурацкая тяга к «справедливости» и «правильным поступкам». Он может увидеть в этом шанс... шанс на что-то новое. Не на любовь, нет. На дружбу. На уважение. А для мужчины как Демид уважение иногда важнее страсти.

— Она что-то задумала, — рывкая я, делая несколько шагов к Алисе. — Я тебе точно говорю, она что-то задумала!

— Ну, и что? — Алиса зевает, прикрывая рох изящной ладонью. — Подпишет бумаги и все. Твоя победа.

— Возможно, она решила соблазнить его назло мне! — выпаливаю я первую пришедшую в голову чудовищную мысль.

Алиса хмурится и качает головой, ее темное каре колыхается.

— Вряд ли. В последнюю нашу встречу она была полностью разбита. И у нее даже в мыслях не было вновь сойтись с Демидом. Она отдала его тебе с потрохами.

— О, — горько хмыкая я. — Ты не знаешь мою сестру. Не просто так она сменила игру. То «не подходите ко мне», то «не трогайте меня, вы мне не нужны»... А теперь сама приглашает Демида забрать документы на развод и готова обратно принять своих громких и капризных детей!

— Мне кажется, ты сейчас зря паникуешь и много надумываешь, — тяжело вздыхает Алиса и отбрасывает журнал. Он с мягким шуршанием падает на диван. — Преувеличи-

ваешь.

— Нет! — я почти кричу и снова засовываю палец в рот, снова грызу ноготь, чувствуя солоноватый вкус крови на языке. Боль снова пронзает кожу. — Ай! Черт!

Я смотрю на окровавленный палец с бессильной яростью. Потом перевожу взгляд на Алису, и во мне созревает план. Низкий, подлый, отчаянный.

— Мы должны что-то придумать, — говорю я тише, и мой голос становится почти ласковым. Я делаю еще один шаг к дивану. — Мы должны отвлечь ее от Демида.

— Каким образом? — Алиса приподнимает свою черную, идеально изогнутую бровь. В ее глазах мелькает любопытство. — Я заинтересована.

— Надо найти ей мужика, — выдыхаю я, и на губах у меня появляется зловещая улыбка. — Вот. Надо найти ей мужика, который запудрит ей мозги и отвлечет от Демида.

Алиса пожимает плечами.

— Минерва после прошлого раза не доверяет мне. Наша дружба закончилась, когда она увидела мое сообщение от тебя. Поэтому я не смогу никаким образом подослать к одинокой беременной разведенке какого-нибудь альфонса.

— Да, ей нужен мужик, — повторяю я, и идея мне нравится все больше. — Может, мне даже мама в этом поможет. А то она так переживает о старшенькой... Так переживает... — я говорю это с язвительной усмешкой. — Вот и найдем ей мужика. Заботливого, внимательного... Или наоборот —

яркого, опасного. Лишь бы он занял все ее пространство.

Алиса смотрит на меня с странным выражением лица — смесь удивления и брезгливости.

— А ты не боишься, что если Демид увидит рядом с беременной бывшей женой какого-то левого мужика, то он заревнует? Ты этого не боишься?

Ее слова — удар. Резкий и жестокий. Именно этого я и боюсь больше всего. Его мужского инстинкта. Его собственничества. Даже к той, кого он больше не любит.

От этой мысли что-то вздрагивает у меня внутри, и я бессильно сжимаю кулаки. Я резко запрокидываю голову и смотрю в потолок.

— Как же я ее ненавижу! — вскрикиваю я в пустоту, а потом вновь смотрю на Алису. — Может, ей отдать моего бывшего мужа? А что? Мне кажется, Демид не будет к Ивану ревновать.

— А Иван согласится?

— Надо, чтобы кто-то вложил в его голову мысль соблазнить Минерву, — мило улыбаюсь я, — твой брат, например, может...

— Может, — соглашается Алиса, — не зря же они дружат, но, — Алиса щурится, — все эти месяцы у него раны зализывал.

— Алиса, — я подсаживаюсь к ней и беру ее за руки, — ты же знаешь, я в долгу не останусь.

— Ваня? — удивленно охаю я.

Я ожидала увидеть за калиткой курьера с пакетом еды, а меня ждал он. Бывший муж моей сестры. Призрак нашего общего прошлого.

Бывший муж моей сестры.

Петли на калитке тихо поскрипывают. Надо бы смазать — мелькает у меня в голове автоматическая, быстрая мысль, о которой я тут же забываю.

Я закутываюсь плотнее в тонкий шерстяной кардиган. Воздух холодный, промозглый, пахнет сырой землей и влажным асфальтом.

Где-то вдали каркает ворона — одинокий, тоскливый звук, сливающийся с серым, низким небом.

С другой стороны улицы доносится сирена скорой помощи.

А на Ваню страшно смотреть.

Раньше это был позитивный, крепенький мужичок с доброй, всегда сытой улыбкой и румяными щеками.

Сейчас передо мной стоял кто-то другой. Совсем не Ваня. Он осунулся, будто его изнутри выели. Щеки впали, обнажив скулы, а в волосах, всегда таких ухоженных, теперь явно больше седины, чем было всего пару месяцев назад.

Он нервно, судорожно скребёт неопрятными ногтями ще-

ку, покрытую колючей седой щетиной, и пытается слабо, виновато улыбнуться. Получается кривая, болезненная гримаса, от которой сжимается сердце.

— Привет, Мина.

И одет он несуразно.

Мятые брюки, рубашка под грубым серым джемпером ему явно не по размеру — висит мешком, а рукава слишком длинные, почти закрывают пальцы.

Сам джемпер, когда-то сидевший идеально, теперь на нем болтается, будто сшитый на великана. Зрелище жалкое, отчаявшееся. Сразу видно — мужик одинокий, на грани. Словно он вот-вот или свалится замертво, или пойдет топиться в ближайшей реке.

И во мне вспыхивает та самая женская жалость, сердобольность, которая так часто толкает нас, женщин в возрасте, подбирать бездомных кошек и... сломленных мужчин.

Мы всегда хотим их починить, отмыть, привести в чувство.

И сейчас во мне просыпается это навязчивое, почти материнское желание — хоть как-то поддержать его, этого опустившегося Ваню. Ведь в его потерянном взгляде я с ужасом вижу и свое отражение. Ту же пустоту. То же отчаяние. Ту же боль от предательства самых близких.

Я делаю шаг назад, отходя от калитки, и делаю слабый,

приглашающий жест рукой.

— Проходи, Вань.

Он перешагивает через порог, делает неуверенный шаг ко мне. От него горьковатым одеколоном.

— Я как-то внезапно зашёл... — его голос хриплый, глухой. — Я случайно... тебе не мешаю?

Я качаю головой, заставляю уголки губ подняться в натянутой, неестественной улыбке и стараюсь, чтобы мой голос звучал легче, чем есть на самом деле.

— Ты меня не отвлекаешь, — даже пытаюсь пошутить, но шутка выходит плоской и несмешной. — Я сейчас, наоборот, рада незванным гостям, как одинокая бабулька. В доме слишком тихо. И пусто.

Иван мрачно кивает, понимая, и медленно, словно каждый шаг дается ему с огромным усилием, плетется по дорожке к дому. Гравий шуршит под его шагами.

Я провожаю его взглядом, и жалость накатывает новой, горькой волной. Раньше на всех наших семейных сборищах он был главным шутником, душой компании. Его смех заглушал все, а сейчас от того человека не осталось и следа.

Альбина уничтожила его.

У крыльца он останавливается и оглядывается на меня, а я замираю в нескольких шагах от него. Хмурится, и его взгляд становится каким-то острым, пронзительным.

— Я слышал... что ты все-таки подписала документы? На развод с Демидом.

Я лишь киваю. Коротко и слабо. Новый порыв ветра за-ныривает под кардиган, и я вся сжимаюсь от холода, который идет не снаружи, а изнутри.

Иван тяжело вздыхает, и в его голосе звучит хриплое, искреннее осуждение.

— Совести у него нет... Разводиться с беременной женой.

Я пожимаю плечами, смотря куда-то мимо него, на оголенные ветви яблони.

— Он был готов оставаться в браке. Формально. Это я... я решила его отпустить. Отпустить к любимой женщине. Не быть для него врагом. Не держать его из упрямства.

Поднимаюсь по ступенькам, встаю рядом с Ваней. Вглядываюсь в его глаза, в эти глубокие, уставшие впадины. Вижу в них ту же пустоту, что и у меня внутри. Заботливо беру его за руку. Манжета джемпера шершавая под пальцами, а рука под ней — костлявая.

— Нам двоим придется принять реальность, Ваня. Принять то, что моя сестра и твоя бывшая жена... и мой муж... теперь вместе.

Говорю это и мое сердце сдавленно бьется.

В порыве внезапного, острого сочувствия, отчаянной потребности в хоть каком-то родном тепле, я обнимаю его.

Легко, по-родственному, по-дружески, как брата. Просто чтобы показать: он не один. Что я здесь. Что я разделяю его боль, его тоску, его растерянность. Что мы двое в одной лодке, выброшенные за борт теми, кого любили больше всего.

И замираю.

Потому что чувствую влажные, горячие, дрожащие губы на своей шее. Грубые от щетины.

Секунду мне кажется, что это показалось. Может, это ветка какая? Или просто дыхание...

Но нет. Это губы. Это поцелуй. Жаждающий, отчаянный, несуразный.

Господи, нет! Зачем?!

Я резко, почти с отвращением, отстраняюсь, отскакиваю на ступеньку ниже. Прижимаю ладонь к тому месту на шее, где еще горят его слезы и щетина. Кожа горит.

— Ваня, — вырывается у меня хриплый, испуганный шепот. — Ты что творишь?

Приглашаю в мою новинку “Бывший муж. Ты снишься мне каждую ночь” <https://litnet.com/shrt/8Em9>

Аннотация:

— Я разлюбил мою жену, — заявляет мой муж Арсений тихо и с глубоким выдохом, — вот что я понял.

Я молчу. Семейный психолог молчит.

— И я хочу быть с другой женщиной, — Арсений закрывает глаза. — Вот и вся правда.

Я мужа отпустила, а потом пришлось отпустить и наших

детей, которых он увез в другую страну вместе с новой женой.

Я не жила, существовала и притворялась, что я сильная.

Но он вернулся, и вместе с ним вернулась тоска по нашему прошлому.

<https://litnet.com/shrt/TgyT>

— Вань...

Я смотрю на бывшего мужа сестры, и во рту пересыхает.

Он стоит на ступеньке выше, его тень накрывает меня целиком, холодная и тяжелая.

В его глазах, всегда таких добрых и смешливых, теперь пустота, перемешанная с чем-то темным, неосознанным. Он не видит меня. Он видит кого-то другого. Боль, обиду, объект для мести.

— Что ты творишь? — вырывается у меня шепот, тонкий и предательски дрожащий. — Ваня, опомнись...

Он хмурится, и его брови, густые, поседевшие, сдвигаются в одну сплошную грозную линию.

Он спускается на мою ступеньку, и расстояние между нами исчезает. От него пахнет потом и едким адреналином.

В груди у меня вспыхивает крошечная, острая искра страха. Я вдруг осознаю кожей — этот мужчина не в себе. Он в стрессе, в аду, куда его загнала моя сестра, и он не отдает себе отчета в своих действиях. Он как раненый зверь, слепой и опасный.

— Ты же сама ко мне полезла, — глухо и угрюмо бросает он. Голос у него хриплый. — Полезла, а теперь в кусты?

Он хмурится еще сильнее, и я физически ощущаю его гнев, обиду, дикую досаду за то, что я посмела оттолкнуть

его, отказать.

— Ваня, — я пытаюсь сделать голос твердым, но он срыгается на шепот. — Я думаю, тебе лучше уйти. Ты зря пришел.

Он ухмыляется, и эта кривая, недобрая усмешка окончательно стирает с его лица черты того добродушного весельчака, который мог рассмешить до слез за семейным ужином. Теперь передо мной чужой, мрачный, озлобленный человек.

Мой страх нарастает, сжимая горло ледяным обручем. И не зря.

Ваня рывком вскидывает руку. Его пальцы, твердые и горячие, с силой впиваются в мое запястье, сжимают его до боли. Я теряю равновесие, вскрикиваю от неожиданности и боли.

— Ваня, приди в себя! Прекрати! — взвизгиваю я, упираясь свободной ладонью в его грудь. Джемпер под рукой колючий, влажный. Сердце под ним бьется часто-часто, как у загнанного зверя.

— Думаешь, только твоему Демиду можно трахать мою жену? — хрипит он прямо мне в лицо. Его дыхание обжигает щеку запахом кофе и чего-то кислого.

Он грубо разворачивает меня и тащит за собой к входной двери.

— Помогите! — кричу я что есть мочи, и мой голос режет тишину улицы, рвется, превращается в хрип. Голосовые связки горят огнем. — Помогите!

Но улица пуста. Только ворона вдали каркает в ответ, равнодушно и насмешливо.

— Если Демид трахал мою жену, — рычит он, втаскивая меня в прихожую, — то я трахну его. Все честно.

Распахивает входную дверь, затаскивает в дом и тащит через весь холл.

Он глухо и низко смеется, и этот звук леденит душу. Он отпускает мое запястье лишь для того, чтобы резко толкнуть меня в сторону лестницы, что ведет на второй этаж.

Я едва успеваю ухватиться за перила, чтобы не упасть. Сердце колотится где-то в горле, мешая дышать. Разворачиваюсь к нему, пятась на первую ступеньку, вскидываю руки в защитном жесте. Ладони влажные от холодного пота.

— Ваня, я тебя очень прошу... возьми себя в руки, — пытаюсь говорить спокойно, но голос предательски трясется. — Я знаю, тебе больно. Знаю, тебе сейчас кажется, что весь мир против тебя. Что ты не сможешь жить без Альбины. Я знаю, как ты ее любил.

Делаю паузу, ловя ртом воздух, пытаюсь подобрать слова, которые достучатся до него сквозь эту завесу ярости и горя.

— Я понимаю тебя... но ведь я не виновата.

Я прикрываю ладонями выпирающий живот. Судорожно выдыхаю.

— Ваня, я же беременна. Ваня, не совершай ошибку. Не будь уродом.

Он замирает на мгновение, его взгляд скользит по моему

животу, и в его глазах мелькает что-то... растерянное? Но тут же гаснет, затмевается новой волной черной ярости.

— Разве ты сама не хочешь отомстить Демиду? — бросает он, смотря на меня исподлобья.

Его глаза — две узкие щелочки, полные мрака.

Он делает несколько тяжелых шагов ко мне. Его пальцы тянутся к пряжке ремня. Металл кладает в гнетущей тишине прихожей — сухой, зловещий звук.

— Ваня, я прошу тебя, остановись.

Но он не слышит. Он ослеплен своей болью, своей идеей мести. Он видит не меня, а тень моего мужа. И его агрессия, вся его разрушенная жизнь, ищет выхода. И найдёт его не в Демиде, а во мне. Слабой, беременной, беззащитной.

— Пусть ему будет больно от того, что не смог защитить тебя и... вашего ребенка...

Я делаю шаг назад, на следующую ступеньку. Он — шаг вперед. Его пальцы уже отстегнули пряжку.

— Ваня, нет!

Я резко разворачиваюсь и кидаюсь вверх по лестнице. Надо добежать до спальни. До телефона. Позвонить... Демиду? В милицию? Кому угодно! Лишь бы успеть.

Сердце колотится, в висках стучит. За спиной — его тяжелые, глухие шаги. Он догоняет.

Я на последней ступеньке. Еще рывок — и я в коридоре. Но носок тапка цепляется за ковровую дорожку. Я летлю вперед, с криком выставляя руки, чтобы смягчить удар.

Приземляюсь на колени, больно ударяюсь локтем о паркет. Но это ничего. Хуже другое. В низу живота, резко и без предупреждения, вонзается острая, режущая боль. Я вскрикиваю, замираю, не в силах пошевелиться.

И тут чувствую — тепло. Влажное, липкое, растекающееся по внутренней стороне бедра, пропитывающее тонкую ткань домашних брюк.

Нет. Нет-нет-нет-нет...

Я замираю, не дыша. Медленно, с ужасом, от которого стынет кровь, опускаю взгляд.

На светло-серой ткани, между моих ног, расплзается алое, предательски яркое пятно.

За спиной замирают шаги. Ваня стоит надомной, тяжело дыша.

Я дрожащей, непослушной рукой тянусь к пятну, касаюсь его кончиками пальцев. Они возвращаются влажными, теплыми... алыми.

Я медленно поднимаю руку, смотрю на окровавленные пальцы, и потом перевожу взгляд, полный немого ужаса, на Ваню.

Он смотрит на мою руку. На пятно. Его лицо искажается, белеет. Безумие в его глазах разом гаснет, сменяясь леденящим, животным страхом.

— Ваня... — хриплю я. — Вызывай скорую.

— Все кажется, твой Ванька поехал к твоей сестре...

Я спряталась в гардеробной.

Плотнее прижимаю телефон к уху.

Пахнет в гардеробной моим фруктовым парфюмом, которым я тут опрыскала стены.

— Мне только что позвонил братишка и сказал, что они эти несколько дней промывали Ваньке мозги на тему, что можно обратить внимание на Минерву. , — шепчет в динамике Алиса.— Вот, — Она издает короткий, визгливый смешок, от которого у меня напрягаются виски. — Не одну бутылочку распечатали.

Сердце начинает биться чаще и очень громко. Руки слегка дрожат — не от страха, нет, от предвкушения.

От волнующей, тёплой волны, что поднимается из глубин живота. Я хочу верить, что импульсивность Вани, его уязвленное мужское самолюбие сыграют мне на руку. И что Минерва сейчас настолько одинока и отчаялась, что обратит внимание на этого печального и одинокого человека.

Эта идея — подослать к ней Ивана — была гениальной.

Я откидываю голову, упираясь затылком в прохладную стенку шкафа, и закрываю глаза, представляя себе картину: Ваня, грустный и жалкий, плачется Минерве, а она — бледная, испуганная, с животом,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.